

Тамара Шатохина

Хочу домой!
НАГУЛЯЛСЯ

Тамара Шатохина

Хочу домой! Нагулялся

«Литнет»

2023

Шатохина Т.

Хочу домой! Нагулялся / Т. Шатохина — «Литнет», 2023

Прошу не принимать совет главной героини о методах воспитания неверных мужей, как руководство к действию - уголовно наказуемо. Встречаются (изредка) те самые выражения - без звездочек и купюр.

© Шатохина Т., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2 Два года назад. Трудное решение.	7
Глава 3	10
Глава 4 Два года назад. Работает стресс	13
Глава 5	15
Глава 6 Два года назад. Депрессия	18
Глава 7	22
Глава 8 О любви	26
Глава 9	30
Глава 10 Два года назад Эмоциональная закрытость	33
Глава 11	37
Глава 12 Чувство вины.	39
Глава 13	42
Глава 14 Год и десять месяцев назад Ревность	45
Глава 15	49
Глава 16 Год и десять месяцев назад. Девиантное (нетипичное) поведение	52
Глава 17	56
Глава 18 Год и десять месяцев назад Все самое хорошее и плохое случается неожиданно	59
Глава 19	64
Глава 20 Год и десять месяцев назад Разговор с Мариной	68
Глава 21	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Глава 1

Солнце совсем озверело, раскаленные воздушные массы уже четыре дня безо всякого движения висели над Подмосковьем. Что творилось в самом мегаполисе, практически полностью закованном в асфальт, можно было только догадываться. Душный каменный мешок, сработавшая ловушка, беспощадный капкан... потому что основной массе жителей при всем желании из него не вырваться - работа.

Телевизионные дикторы постоянно советовали больше пить, умерить физические нагрузки и как можно меньше находиться на жаре. Хороший совет, потому что в ней даже асфальт, казалось, плавился. В городском воздухе намертво завис запах гудрона и почему-то особенно сильно он ощущался поздними вечерами, когда солнце уже ушло. Такая вот странность. А днем так вообще... на открытых участках тротуарное покрытие ощутимо проседало под подошвами. Пришлось отказаться от каблуков и влезть в разношенные дырчатые слипы.

Прижимая к уху телефон, я вытерла лоб тыльной стороной ладони и убрала прилипшую к носу прядку. Сраное лето... и бесит, когда люди не понимают сказанного прямым текстом.

- Нет! И даже по старой дружбе. По той простой причине, что здесь уже не работаю... А потому, что иду просить неоплачиваемый отпуск с открытой датой, Любаша. Поищи, полно других... да... да... ну и ничего нового! Я безо всяких консультаций ей скажу: затаись и к его беременной пассии не суйся. Даже если сама явится, от общения уходи молча и с каменной мордой - проблема уже есть, не стоит их множить. И основное... если он еще на что-то ей сдался - хмыкнула я, припоминая: - Потихоньку начинай пичкать его препаратами, снижающими потенцию, с малых доз. С урологом договорись - поможет (не бесплатно, естественно), - остановилась я у двери офиса:

- Пары месяцев, наверное, хватит. И станет он потерянним и шелковым, в понимающем и снисходительном отношении жены ужасно нуждающимся. Еще пускай приберет к рукам расходы и откладывает - чем больше, тем лучше. Потом пусть уговорит его перебраться в другой регион - к морю, например. Аргументируя тем, что для его же самцового здоровья... Да пользуйся, дорогая! Почему же шутка? Не ты ли мне что-то подобное и советовала в свое время? Нет, не вняла... да потому что дура! Дай уже трубку жертве...

Бубнеж в трубке затянулся, я нервничала, притопывая подошвой, не терпелось нырнуть в кондиционированную тень помещения. Взгляд рассеянно скользнул в сторону и вдруг резко споткнулся о сверкающие туфли, пришибленно поднялся по мужскому костюму и еще выше - к лицу. Прислонившись к арочной опоре крыльца, с объемной папкой подмышкой прямо позади меня стоял один из партнеров-организаторов юридического бюро Барканов, а в просторечии коротко - Барк. Стоял и слушал он меня со всем вниманием, глядя с явным отвращением и хищно кривя полные, четко очерченные губы.

Вот...

- Алло, Марина! Пожалуйста! Я очень, очень, очень внимательно вас слушаю! - орала в трубку очередная несчастная баба.

И то ли наступил предел чему-то в принципе неопределимому и подсознание учинило тот самый беспощадный и бессмысленный бунт... Но вдруг в один момент ниоткуда буквально на меня обрушился дурной такой кураж. И лучше бы добил, так нет же... наоборот - хорошенько так встряхнул и будто даже куда-то вздернул. Чтобы больше падать, наверное. Трудно объяснить, что нашло... поняла, что все уже случилось? Но, нейтрально кивнув работодателю почти как пустому месту, я прямо здесь и ответила:

- Да! Значит так, Надежда - я не совсем тот специалист, что вам нужен. Сейчас скину на Любу номер хорошего спеца по разводам. Советовать конкурентов не совсем принято, - не смотрела я на Барка, - но Боброва - настоящая акула, поверьте мне. Так что ко мне вы не совсем

и зря... знаете теперь, где найти те самые зубы. А без них в нашем женском деле никак - всегда есть риск остаться с голым задом. Как правило, мужики в процессе развода совсем теряют человеческое обличье. Там даже не нижняя голова – дерьмо рулит напрямую из задницы.

Где-то там вдохновенно хмыкнула Надежда:

- Акула, говорите?

- Уже видите перспективы? – улыбалась я, как безумная – глядя теперь прямо в глаза начальству: - Да - ваша личная прикормленная акула. И питается она исключительно неверными мужьями. Пристрастилась за многие годы, знаете ли... Всего доброго вам и удачи! А что, собственно, произошло, Марк Михалыч? – это уже Барку, - разговор частный и даже вне офиса. Хотя и не суть - я и так шла увольняться.

- Непременно... но уйдете вы с волчьим билетом, - прошипела лощеная вывеска, - аморальные, неэтичные действия...

- Вы вначале докажите факт таких действий, - хотелось, чтобы пафосно, а вышло как-то горько, что ли? С-сука... ты еще тут откуда до кучи ко всем моим бедам?

- Прошу! Побеседуем конфиденциально, – ядовито процедил он, приоткрывая соседнюю дверь в «верхний» офис и жестко обхватывая мой локоть.

- Нет! - уперлась я, тормозя пятками, - не желаю черт знает что выслушивать! Не считаю себя виновной! Установленным порядком и через кадры... Да прекратите вы! Не о чем говорить... Отпустите немедленно мою руку!

Глава 2 Два года назад. Трудное решение.

- Давайте пока в это кресло... вам комфортно, удобно, Владислав? - голос низкий, уверенный. А парфюм теплый, почти женский – мягкие такие аккорды. Сам Влад любил холодные, резкие оттенки.

- Не люблю свое полное имя. Лучше уж Влад, будьте добры, - прозвучало, будто сквозь стиснутые зубы. Мужчина медленно обвел взглядом кабинет, отмечая для себя его практически стерильность и чистые оттенки белого и беж в интерьере. Верхний свет выключен, теплый свет настольной лампы падает на солидный стол, но чуть в сторону, не разделяя собеседников.

- Любопытно – почему? – спокойно удивился хозяин кабинета.

Психолог и психотерапевт по совместительству, судя по копиям дипломов под стеклом на стене секретарской. Какая-то научная степень... Он оказался невысоким, почти на голову ниже... седым мужчиной примерно того же возраста, что и посетитель. И тоже предпочитал носить костюмы – это чувствовалось по тому, как удобно он устроился в своем кресле, вытянув ноги и привычно откинув полы пиджака. Безупречно отглаженная белоснежная рубашка, дорогой поясной ремень, серый, со льдыстым отливом галстук... аккуратные руки. Педант, чистюля... станет нудить сейчас, без конца вворачивая для солидности профессиональные термины – тоскливо подумал посетитель, машинально поправляя очки.

- Владислав - владеющий... то есть пользующийся плодами личной славы. В итоге – человек успешный, обязанный состояться уже просто благодаря имени. Не зря говорят - как корабль назовешь, так он и поплывет. Отказываясь от собственного имени, вы тем самым отрицаете свою судьбу и даже... славу? – улыбнулся он.

Но беспроблемного общения похоже не предполагалось.

- Чем больше моя слава, тем больше я тупею... - угрюмо отметил Влад, понимая, что похоже угадал... и опять ошибся, обратившись к «целителю душ».

- Эйнштейн? - кивнул мужчина, - считается, он был с легкой придури, но здесь, как и во многих его высказываниях, есть глубокий смысл – когда человек боится не оправдать слишком больших ожиданий, возложенных на него, это не способствует свободному полету мысли.

- Я к вам не потягаться эрудицией. И время, знаете ли, идет.

- Ну да, вовремя вернуть о цене – адвокатская прерогатива. Пристрелочная у нас с вами встреча, Влад, ознакомительная. И вы и я сейчас решаем – есть ли смысл вам тратить свои деньги, а мне терять с вами время? Понятно уже, что записались вы ко мне по чьей-то настоятельной рекомендации, буквально ломая себя при этом. В помощь мою не верите, вот и взорвались, отрицая ее, воспользовавшись первой же возможностью и подсознательно отыскивая способ свинтить. Но вы здесь. Так что мне только «почти» все с вами ясно.

- Свинтить... - обреченно как-то подытожил мужчина.

- Со своим братом предпочитаю свободно пользоваться любыми подходящими выражениями, не миндальничая. С дамами – сколько угодно. У меня свой стиль работы и разнообразный, нескучный лексикон. С его помощью я и собираюсь с вами общаться - много. Беседовать. На самые разные темы. Это сложно, знаете... определить проблему психики. Даже у хирурга работа не скажу, что проще, но там хотя бы всё материально: разрезал, увидел причину, удалил ее. Здесь же даже не наощупь, а наугад, руководствуясь только вашими словами. Так при этом я еще должен преодолевать ваше внутреннее сопротивление? Увольте! Я не хирург, но тоже люблю видеть результат своей работы, и чтобы он радовал. Вы, боюсь, только огорчите, да еще и потратитесь. Всего доброго?

- Ну почему? – теперь уже посетитель вальяжно откинулся в кресле, - любопытно увидеть, как вы работаете. Нам, знаете, тоже в свое время преподавали психологию, так что с основами работы с клиентом я знаком и даже практикую. Сомневаюсь, что удержал бы, вот так

указав на дверь. Вы топорно берете на слабо, давите на мужское самолюбие, а где же чуткость, осторожное копание, тонкий подход?

- Это к дамам-психологам, Влад – они сделают нежно, я же работаю только с теми, кому это нужно позарез. Вы сами отыщите в наших разговорах, а потом и поймете причины своих проблем – обещаю, я же буду только подталкивать в нужном направлении. Но необходимо желание сориентироваться в себе и, судя по тому, что вы здесь – оно все-таки есть. Или нет желания. Но есть острая необходимость. Значит смириться с мыслью, что придется принять чужую помощь, озвучив для этого свои проблемы и даже самые позорные косяки. В этом нет ничего зазорного – я врач. Определенно, вам уже приходилось к ним обращаться, может даже демонстрируя самое сокровенное.

- Хрен знает... у тебя здесь методы, – будто даже растерянно выдохнул посетитель.

- Это еще что... - подхватил врач, - представь себе скрытую феминистку, предоставившую помощь женщине, пострадавшей от абьюзера или пережившую тяжкое предательство. Она найдет там сочувствие и понимание, но ни одному мужику никогда больше не поверит. Имея профессиональную лицензию, человек сознательно формирует в клиентках мужененавистниц. Вот где настоящий хрен знает.

- Говорим не о том... - нервно дернулся собеседник, - причина моего визита не интересует от слова совсем?

- Пока нет, - согласился хозяин кабинета, - я за эти несколько минут *уже* устал от тебя, Влад. Пикироваться скучно, доказывать что-то и навязывать свою помощь не собираюсь. Предпочитаю, знаешь ли, плодотворно сотрудничать к обоюдной пользе. К тому же, еще... - приподнял он белоснежную манжету рубашки и взглянул на циферблат не самых дешевых часов: - Семь минут и время приема выйдет. Сеанс, как я уже сказал, пристрелочный, а значит бесплатный.

- И все-таки странные методы.

- Нормальные. Я не отказываю в помощи, а даю время еще подумать - когда ты уже что-то обо мне понял. Угодать не стану, щадить не буду, а вот с пользой для дела покопаться в самых свежих и больных и даже уже давно заживших ранах – обещаю. Результат – тоже, хотя ты свою проблему уже сожрал, употребил, переварил и стал с ней, похоже, одним целым. Тебе не нужна срочная, сиюминутная помощь, так же? Даже если имеем стресс, то не в активной фазе. Просто осточертело, просто смертельно устал, просто тоскливо, противно и тошно... от себя самого в первую очередь.

- Давай уже... назначай время, - отвернулся посетитель.

- Вот... - чиркнул что-то в отрывном блокноте врач, - писулькой, на бумажке, чтоб не забылось. И прими сейчас валерианы, что ли? Расслабься. Агрессия из тебя так и прет.

- А ты не пропишешь? Валериану.

- Так ты пока еще не мой пациент. Вот заключим договор... а там уже по протоколу. Как это будет? Вначале встречи два-три раза в неделю, чтобы навести мосты доверия, так сказать. Потом реже, возможно даже изредка, только когда ощутишь необходимость. Сеансы могут быть разной продолжительности. Сроки? Без понятия.

- Мрак, тьмище какое-то... - обреченно подытожил пациент.

- Светлого в моей работе мало. Но ломать я собираюсь твои проблемы, себя как-то... уж какой есть. И сам себе дорог. А ты?

- Понятно. До встречи... Михаил Артемьевич.

- Не напрягайся. Раз уж мы на «ты», то давай и по имени.

- Может в итоге еще и подружмся? – поднялся мужчина из кресла, оправляя одежду.

- А это сильно вряд ли, - усмехнулся врач, - мужику всегда тошно выворачиваться наизнанку, и ты не исключение. Сейчас придется смириться с этим, но потом лучше просто оставить позади. И разумнее.

- Всего доброго!

- Валерианочки все-таки... рекомендую.

- Грушу замесить, чтоб песок сыпался. Рекомендую, – появилось на лице Влада что-то, отдаленно напоминающее улыбку. Мужчина остановился у двери, изучая врученную специалистом бумажку, будто прикидывая - удобно ли будет в это время? Но улыбка эта... казалось, его губы одеревенели и просто не хотят растягиваться шире. Психотерапевт откинулся в кресле, пристально изучая его лицо пока натужная гримаса постепенно не ушла с него. Врач рассеянно постучал ручкой по столу и чиркнул что-то на листе бумаги. Поднял взгляд.

- Еще минуту! Не главная проблема... но основная, подвигшая на обращение ко мне – трудности с мимикой, так же? Болезненность или...? Некоторую скованность в области жевательных мышц я заметил сразу.

- С жеванием как раз больших проблем нет, - непримиримо сузил глаза мужчина.

- Но небольшие есть? Вернее - терпимые, так? Ты непроизвольно тормозишь мимику, опасаясь болезненности. А мигреневые боли... ночной скрежет зубами – как с этим? Может боли в ушах или шейном отделе?

- Нет, только челюсть, - пришлось признать.

- Ты у врача, Влад. Здесь ты *обязан* говорить все, как есть. Признавая боль и свою слабость перед ней в том числе, иначе мы зря потратим время. Придется идти навстречу друг другу. Я делаю это легко... Присядь и расслабься по возможности... может быть немного больно.

Влад нехотя развернулся от двери и опять сел в кресло. Врач неторопливо протер руки бактерицидными салфетками, бросил их в мусорную корзину и прошел к нему за спину. Помахал ладонями на весу, чтобы просохли и осторожно исследовал нижнюю часть лица, задавая вопросы о болевых ощущениях. Пациент по его просьбе сделал несколько манипуляций нижней челюстью. Потом врач вернулся за стол и сделал запись.

- Ну и что там... с мордой лица? – нейтрально поинтересовался Влад.

Очень говорящая напускная бравада.

- Я подготовлюсь и следующий раз мы все подробно обсудим.

- Все-таки серьезно? – насторожился мужчина.

- Орофациальная боль, как следствие стресса – распространенное явление, но оно... как бы сказать? Немного эфемерно, наверное – ее трудно диагностировать. Лечат мигрени, невралгии, уши и даже зубы... и ты наверняка уже обращался с этим стоматологу, так же? Ну вот... Не считаю, что проблема с мимикой в том числе, необратима. Но придется уделить ей отдельное время у другого специалиста. Не стоит переживать... с сегодняшнего дня твои проблемы *уже* поделены надвое. Разберемся...

Глава 3

До копейки собрав мелочь сдачи (похоже пора начинать ее считать), я присела на ближайшую к киоску лавочку и потерянно огляделась. Зелень от зноя чуть привяла, небо будто выцвело, солнце совсем с катушек слетело, привычно шумит и смердит выхлопными газами проезжая часть, уныло ползут уставшие от жары люди... А я будто за непрошибаемым стеклом - звуки превратились в шорохи, а реальность словно просела, не пуская в себя. Сознание плывет, не желая принимать очевидность, а в животе легко и щекотно, будто там резвятся воздушные шарик. И на душе тоже замечательно гадко. Разочарование...

Зашибись, Марина - приплыли. Дно!

Ватные пальцы с трудом скрутили с бутылочки пробку. И опять не слава богу - рука дрогнула, как чужая и вода плеснула мимо цели. Тупо наблюдая, как промокает на груди блузка, я все еще пыталась понять - что это было? Ну-у... собственной дури рано или поздно всегда найдется оправдание. Но он-то?!

Бездумно просидев в тени еще какое-то время, поняла, что рискую уснуть прямо здесь – на жаре, стресс явно выходил каким-то не таким боком. С трудом собрав себя, вяло зашевелилась и набрала Бобровой. И что я ей скажу? В голове ни одной умной мысли. Дурных – навалом. Может потом? – проскользнула трусливая. Гудки, гудки... о-о?

- Валь... ты говорить можешь? Если нет, я лучше потом.

- Недолго - могу. Ты странно голос тянешь... что-то с Ритой? – насторожилась она.

- Нет, теперь это что-то - со мной, – выдохнула я и решила наконец. Какая это, мать его, стадия принятия, если в голове только «ачётакова?» А действительно - что, собственно, такого?

- Валя. Барк меня уволил. Трахнул и уволил. Или я его... не суть.

- Что, простите, сделал? – сел у Бобровой голос.

- Короче... - обреченно прикрыла я глаза, - шла я увольняться, вернее хотела бессрочный отпуск, но это утопия, понятно... И тут – он. Подслушал частный разговор, а с юмором у него крайне плохо, как я теперь понимаю. Затащил меня в свой кабинет, угрожал там и обвинял... думаю - просто проораться нужно было. Хотя и я... где-то да - несла пургу. Но частный же разговор! И горький сарказм, если что. Юмор! Это все равно, как... пожелать скоропостижной эректильной дисфункции – соль в том... любой поймет, что просто шутка! Недобрая, злая даже, но шутка, мать его! А не руководство к действию. Но он же... это пипец, Валя - абсолютно невменяем! И никакие доводы, представь... И тон еще – недопустимо, исключительно мерзкий! Там просто... и я – за грудки его...

Из трубки донеслось что-то похожее на орлиный клекот.

- ...притянула, чтобы встряхнуть хорошенько – заставить прийти в себя и начать уже думать! Он тоже схватил и чуть зубы не выбил...

- Что-о?! Побои? – изумилась и враз собралась даже голосом Боброва.

- Нет... зубами! А дальше... а дальше я решила – и хрен с ним... всем. Так и вышло. И неизвестно еще кто там – кого? Так что предъявлять ему я не намерена. Но и с волчьим билетом уходить тоже глупо. Что мне делать? Нет - мысли есть! – заверила я подругу, - и даже не одна, но все они скорее...

- Увольняться ходила из-за Риты? – перебила меня Валентина.

- ... садистской направленности... - помолчав, я тоскливо подтвердила: - Да, все неправильно. Я зарабатываю деньги и отдаю чужому человеку. Но хоть и сиделка... все равно вымываюсь в ноль - ночами не сплю, днем мысли не собрать, переживаю, названиваю. Не вижу смысла, не тяну такой режим. И просто... сколько там осталось, столько и хочу с ней побыть.

- Совсем плохо? – насторожилась Валентина.

- Да. Развивается... в общем, почти закономерное в ее случае поражение сетчатки. И раньше зрение – сама знаешь, а теперь совсем слепнет. Ну и все остальное, как по мед. справочнику. Прогноз хреннее некуда, его просто больше нет... - неохотно и так же тихо призналась я.

- Ты не говорила... почему ты ничего не говорила?

- Рита просила, она не хочет...

- Ладно! Понимаю ее. Ну... тогда все правильно. А зачем с Барком? – последовал жесткий вопрос, а дальше с явной издевкой: - Предало тело, утонула в его огненном омуте, изнемогла от страсти?

- А разрешите – не матом? Я не за этим вообще-то, - растерялась я, - какого ты взъелась? Я свободная женщина, даже если выгляжу здесь, как животное... теплокровное. Но ты-то какого хрена, Боброва? Не включай со мной акулу! Все случилось вполне осознанно, хотя здравого смысла, конечно, в моих действиях - ноль, - отвечать спокойно, что равнялось «достойно», не получалось. Не отпустило еще, похоже... Хотя какого я вообще замораживаюсь?

- Да что такого?! Было себе и было!

- Нет, ты уточни, будь добра, причину, - чеканила она, - у тебя к нему точно - ничего?

- Ничего? Боже... - выдохнув, я даже улыбнулась: - Не ищи ванильные реки там, где их нет и быть не может. Это случайность! Я его, как живого человека с трудом воспринимаю, а мужиком так вообще никогда не видела.

- Я не про то... неправильно формулирую, наверное. В том, что ты расслабилась наконец и позволяешь подарить себе удовольствие, нет ничего плохого. Наоборот! Но, насколько я знаю, он состоит в браке, - огорошила Валентина.

- Как-то не интересовалась его статусом, - проямлила я, по-новому осознавая то, что произошло: - И что сказать – не знаю. В голове одни маты.

- Слава тебе... - выдохнула Валентина, - я все улажу, документы свои получишь курьером. Но от Барканова не ожидала, - задумалась она, - м-да... тоже на срыве? Или что там стряслось?

- Тогда уж - на взводе. Термин «нервный срыв» не признан в диагностических системах, - отстраненно возразила я, все еще принимая тот факт, что...

- В курсе, - фыркнула она, - но суть его - временное реактивное расстройство с симптомами невроза...

- ... чему способствуют внешние раздражители. Да, ты права - я в роли раздражителя. Он тоже. Два неврастеника...

- Надеюсь и он это понимает. Ладно, Марина, сегодня у меня планы, но завтра вечером заеду к маме Рите. Сиделку уволишь?

- Рита против, жалеет меня. Но да, сегодня сиделка последний день.

- А вы хоть предохранялись? – вспомнила она.

- Ну, а как иначе? Понятное же дело! – огрызнулась я.

- Так да или нет?

- Ты смеешься, наверное? – отключилась я, потому что накрыло, наконец – комплексно и осознанно.

Резко потянуло к тому самому дну... я с трудом сдержалась, чтобы не потереть кулаками накрашенные глаза. Зря сегодня прихорашивалась. После стресса, умноженного на усталость, клонило ко сну. Но больше всего хотелось к маме.

Барк молча выскочил из кабинета только застегнув ширинку. Я кое-как привела себя в порядок и тоже убралась оттуда как можно быстрее. Но сейчас нужно было зайти куда-нибудь и замыть подол юбки, чтобы убрать мужской запах. Хорошо – ткань пестрая. Ну и... двигать к Рите.

Я никого не жалела... вернее - не находила в себе сочувствия к жене Барканова – сами себе мужиков выбираем. Но и проводить аналогию между девочками-праздниками Слава и собой категорически не хотелось. Здесь в принципе все иначе - случайность... случай. Просто что-то сошлось и столкнулись лицом к лицу два до крайности раздраженных раздражителя. Так и хрен ли сыпать пеплом?

Никого не жалела, себя тоже. И все-таки... все-таки.

Я нечаянно шагнула за чисто условную, но очень важную, знаковую черту. И как-то обидно от этого, что ли? Или досадно. Вера во многие приятные вещи потеряна еще три года назад, а теперь еще и в собственные мозги. Совсем печально...

.

Глава 4 Два года назад. Работает стресс

- Здравствуйте, док, - шагнул Влад в кабинет.

Не готовился, даже не думал в эту сторону... общепринятое «вы» вырвалось спонтанно.

- А мы опять на «вы»? Как будет угодно, - согласился врач, здороваясь за руку: - Здравствуйте, Влад. Прошу в те кресла – у окна, сегодня у нас лекция... Вы же хотите узнать причину сбоя биоэлектрического состояния ваших лицевых мышц?

- Уже звучит круто, что сказать... – согласился пациент, секунду помедлив и выбрав то место, где его лицо оказалось не так хорошо освещено уличным фонарем, нацеленным в окно будто прожектор... второй этаж.

- Сейчас... я опущу жалюзи и сделаю свет лампы умереннее... тоже устали глаза за день, - выполнил врач все обещанные манипуляции и присел в кресло напротив.

- Смотрите, как всё интересно: каждым нашим действием руководит психика, а она, получается, ранима. Когда пришло понимание этого, современный научный мир остро заинтересовался проблемой влияния стресса на психическое и физическое здоровье человека.

- Док, можно сразу к делу, не разжевывая, – спокойно предложил Влад.

- Э-э... нет, - помахал тот пальцем, – тут нужно хорошо понять... итак: актуальность изучения вопроса огромна - увеличение рабочих нагрузок, информационная насыщенность и нарастание темпа жизни привели к тому, что стресс представляет уже серьезную медико-психологическую проблему. Не будь всего этого, мы легче справлялись бы с проблемами личного плана. Теперь конкретно ваша история... эмоциональные состояния и активность лицевых мышц оказывают взаимное влияние друг на друга по принципу обратной лицевой связи. К примеру, переживание негативных эмоций вызывает повышение тонуса лицевых мышц, а их длительное напряжение в свою очередь поддерживает и усиливает негативные нервно-психические состояния. А знаете, как можно разорвать этот порочный круг?

- Исключить один из двух факторов? - впервые за долгое время внутренне веселился Влад, - или стресс убрать или мышцы зафиксировать намертво. Чего проще?

- Мышцы расслабляют релаксацией, снижающей болезненный тонус и корректирующей психоэмоциональное состояние.

- В голову приходит только массаж, - предположил Влад.

- Верно. Но массаж берут, как правило, в том случае, когда недовольны собственной внешностью, а это тоже связано с отрицательным нервно-психологическим фоном. При переживании же стресса мало кто обращается к психологу, мало кто вообще способен здраво оценить серьезность своего состояния.

- Стресс – бич современности... влияет на психику, а она на мимику... Тогда почти все должны ходить с перекошенными мордами, - немедленно последовал вывод, - логично, док?

- Не утрируйте, - почему-то довольно проворчал тот, - эмоциональные проявления во время переживания стресса носят сложный комплексный характер. Но точно снижают приспособительные возможности, способствуя развитию вот таких психосоматических дисфункций.

- Допустим... замечательно уже то, что я раньше интересовался, почитывал и худо-бедно ориентируюсь во всей этой вашей терминологии, не теряя нить, так сказать... - прозвучало, как реплика в сторону, заставив доктора улыбнуться: - Но вот так просто - курс массажа и проблема решена?

- Косметический не решает проблему глубоких мышечных напряжений. Подключив специальный медицинский, через афферентные каналы мы разорвем связь между мышечным напряжением и эмоциональными каналами головного мозга.

- Не устранив саму причину проблемы, а только ее последствия? Дальше следует ждать рецидив, - заключил пациент.

- Зачет, - уважительно кивнул доктор, - а теперь еще послушайте: есть закономерности поведения лицевых мышц в зависимости от аффективных расстройств, следствий стресса. Мышцы не просто выражают эмоции, но и усиливают эмоциональные переживания. То есть – лицевая экспрессия способна инициировать эмоции.

- Сдвинешь брови и переживания усилятся? Или даже что - инициируются?

- В этом случае негативные. Мышца, смазывающая бровь – участник тревожных и негативных состояний. Но первой реагирует на стрессовые события жевательная мускулатура, после чего в цепочку вовлекаются соседние мышечные структуры лица, головы и шеи.

- У меня тот самый случай?

- Да, и он не что-то исключительное, а значит решаемое. И вот еще - болевой синдром жевательной мускулатуры как правило сопутствует депрессии. Анатомическая структура жевательного аппарата очень сложна. Массажем придется воздействовать на весь комплекс, начиная с височной области и заканчивая плечевым поясом.

- Все-таки массаж... - вздохнул Влад, - вы похоже - серьезно?

- Не только он. Комплексная проблема и решается комплексно. Антидепрессанты... не стоит их бояться, ну и массаж, который призван корректировать психоэмоциональное состояние, основанное на обратной лицевой связи. Снизим глубокое мышечное напряжение – уберем боли, поправим мимику. Параллельно с этим - основной разбор полетов со мной. Будем работать над осознанием ваших блоков.

Поднявшись с кресла, доктор прошел к столу.

- Теперь о материальном: вот здесь направление для вас на анализ крови и мочи...пока только общий, бываете знаете ли причины. А вот это, - протянул он Владу ламинированную карточку визитки, - координаты хорошего, а вернее – в ближайшее время единственно доступного для нас специалиста. К нему тоже плотная запись, но я уже договорился – он обещал поискать для вас окно. Созвонитесь завтра с утра и узнайте время своего приема. Ни в коем случае не отказывайтесь, разве только если не сможете позволить его себе в финансовом плане.

- Дорогое удовольствие? - понимающе кивнул Влад.

- Как и все качественное – ничего нового, - подтвердил врач и вдруг чуть оживился: - Мне все-таки любопытно... обследоваться на предмет вывертов психосоматики вам рекомендовал стоматолог?

- Да. Вас я нашел на форуме.

- Грамотный специалист, не теряйте его.

Проворачивая ключ зажигания, трогаясь с места и включаясь в дорожное движение, Влад вспоминал разговор и вдруг на каких-то странных ассоциациях всплыл в памяти анекдот...

Пациент жалуется: - Мне так плохо, просто ужасно, ну очень плохо – тошнит, голова раскалывается, кружится, ломает всего...

- Мне кажется... вам хуево, - глубокомысленно констатирует эскулап, выписывая чек.

- Ох, спасибо вам, доктор!

Криво усмехнувшись краешком губ, Влад сделал вывод, что если всплывает такое... а не что-то обнадеживающее, то те самые мосты доверия еще только в проекте. Или нет... чисто человеческую симпатию к «психу» он уже чувствовал. А вот в успех благодаря его помощи все еще, похоже, не верил. Слишком всё... да – именно эфемерно с этими его подходами и простейшими, но дорогостоящими методами. Массаж, разговоры? Когда тоска, особенно жадно жрущая вечерами, настолько лютая?! Ее, кажется, только атомной бомбой или гильотиной. А тут... какие-то игры в песочнице.

Глава 5

Знакомый курьер привез документы...

Расписавшись в заявлении на увольнение по собственному желанию - без отработки, стандартной формы, я вежливо распрощалась, передав всем огромный привет. Закрyla за ним дверь, внимательно просмотрев, убрала в секретер файл с документами и... просто постаралась не думать. Я отлично умела «не думать», практиковала можно сказать.

Приготовив ужин, покормила и обиходила Риту и, оставив ее наедине с телевизором, сделала себе ванну с ароматной солью и пеной до ушей. Скорее горячая, чем теплая вода, любимые запахи, теплый пар, равномерно осевший испариной на стекле зеркала... Как мало нужно для счастья! Мимолетного? Или быстротечного... Без разницы! Постоянного по определению не бывает.

Сделав «теплый» массаж многострадальной части лица, нанесла крем-уход, внимательно рассмотрев распаренную и чуть покрасневшую паутинку шрама. Сейчас, без маскирующей косметики, он был заметен. Рассекая раздробленную когда-то скулу, делил щеку надвое, не доходя до подбородка. Если хорошо присмотреться, то имелась и легкая асимметрия лица. Но я давно уже не расстраивалась из-за такой ерунды.

Закрутив на голове тюрбан, распахнула дверь, прислушалась и, заулыбавшись, пошла на голоса. У Ксюши и Вали были ключи от нашей квартиры, так что и ничего странного – скорее всего, за шумом воды я не услышала дверной звонок.

- Как поросенок, Маришка... даже отсюда вижу – розовый. Напарилась? - улыбалась с кровати мама.

Присев возле нее и погладив по плечу, я преданно уставилась на Валентину. Она откинулась на спинку стула и тоже улыбалась. Улыбчивые все такие...

А мне не хватало слов!

- Боброва, - наконец растроганно выдала я, особо и не заморачиваясь с набором текста: - Ты настоящая акула. Классная, шикарная акула! Была б я мужиком...! Преклоняюсь и... вот просто из профессии ухожу - все равно я жалкое подобие того, как надо. Да... я, кстати, подогнала тебе клиентку – одноклассница просила помочь подруге. Не звонила еще?

- Сегодня встречались. А ты уже получила документы? Совсем не жалеешь, что ушла? – просто спросила она, возвращаясь вниманием к Рите и сбрасывая ей две подкидные шестерки.

- Да брось! Там не контора, а говно унылое, показательный официоз на западный манер. Народ страдает поголовно, - дрогнул у меня голос, - как у тебя вышло? Профессиональные тайны не выпытываю, просто беспокоюсь.

- Зря. Никого я не шантажировала, - улыбнулась она Рите, - бита... А вот так? Для тебя, Рит, ничего не жаль. И неправда твоя – нормально ты и числовые, и картинки видишь, – и, выложив на одеяло два вальта, ответила мне: - Все просто, Мариш – я внятно, со вкусом представлялась и спросила, когда могу зайти и забрать твои документы - по доверенности, самой собой. Меня заверили, что оно не стоит моего беспокойства – отошлют курьером в лучшем виде.

- Репутация штука сильная, - протянула я, с мстительной улыбкой вспоминая рекламу, которую при Барке делала зубам Бобровой. Хотелось поорать от радости и потаскать кое-кого на руках. Разбогатею – куплю ей ту штуку... дай Бог памяти...?

- Мы с ним знакомы, - сбила она меня с мысли, - официально, по-деловому и все-таки... вроде разумный мужик, раньше считала – не по возрасту педант, сухарь, буква закона во плоти. Хотя-а... красиво, Рита, отбой! Хотя-а... с некоторых пор вообще не верю в абсолютную мужскую адекватность. Мы как-то продуманнее... А теперь без обид - держи погоны, генерал! - побила она козырным королем, а еще двух уложила на плечи смеющейся Риты.

- Ну, как я ее, Мариш - красиво? Там в кухне на столе вкусненькое. Завари некрепкого кофейку? Или давай я сама, а ты пока посушись. Как ты относишься к вкусному и разрешенному, мама Рита?

- Только немножко, и так пухну не по дням... девочки вон уже еле таскают. Валюш, не ругай ты ее. И в профессии она останется – куда денется? Все жара виновата, усталость и недосып из-за меня, - нервно комкала Рита простыню.

- И не т-только эт-то, - хмыкнула Валентина.

Никто и не возражал.

Не раскладывая, я празднично накрыла стол кружевной скатертью, приглушила бра, зажгла в центре свечу, а рядом поставила горшочек с розово-голубой фиалкой – Ритиной гордостью. Мы с Валею усадили ее на коляску, укатили в гостиную и замечательно потом посидели. Поели, попили кофейку, обсудили мужиков, цветы и погоду, посмеялись... После переложили маму обратно в постель.

Уходя, Валентина задержалась в прихожей, скептически пожевала губами и предложила:

- Верни сиделку хотя бы на полдня. Сама не справишься физически, и тебе еще рожать в перспективе. Деньгами помогу если что. И не тебе, представь, а ей. Дай ей больше свободы - полежать лишний раз в той же ванне, побывать на воздухе, увидеть что-то кроме осточертевших стен. Вдвоем с сиделкой это реально – вы справитесь, а сама ты не вытянешь, Марина. Всерьез подумай.

Вечером я подмыла Риту, надела ей памперс и улеглась рядом.

- Марина, а иди ты уже... спать, пока есть такая возможность. К себе. Без тебя как-нибудь... Я и укол сама сделаю, только шприц набери и на тумбочке оставь.

- Тихо, Рита! Не мешай - хочу полежать с мамой, - обняла я ее. И, как ни странно, быстро уснула. В своей комнате спала одним глазом и ухом, что называется - боялась проворонить радио-няню.

Спокойной ночи ожидаемо не получилось. Резкие, острые боли всегда усиливались в ночное время. И опять возникли в пояснице, а потом поползли в правую культю. Почему не в левую – мы обе мозг уже сломали. Когда укол подействовал, Рита уснула, а я лежала и думала о Валиных словах.

Что мы имеем? Операции на лице и мамино лечение почти обнулили семейный счет – страховки и сбережений ожидаемо не хватало. Ушли даже откупные Слава за долю в «Стратегии защиты». Сейчас я подсобрала слегка, но это ненадолго. А еще есть подруги и они пока помогают точно и целенаправленно. Но и голодать нам с Ритой в случае чего не дадут. И здорово! Друзья – это здорово и принять от них помощь в поганый час не зазорно. Но это если на уме, а на деле...

Побираться, даже если вынужденно, всегда тошно. Да и вообще грузить собой кого бы то ни было – не в моих привычках. Лучше уж сама-сама-сама... Разве что случится случай крайний. И не гордыня это, и не тупое упрямство – мне так комфортнее. И всегда было.

Но искать сейчас работу...да-а... Не так и хорошо я зарекомендовала себя на предыдущей, особенно вначале – разленилась, потеряла форму, быллой тонус? И постоянно отвлекалась на проблемы Риты – мысли о будущем гробили всякий настрой, запал, желание не только работать, но и жить иногда. Но втянулась же? Да и в самом начале серьезных нареканий не было.

Так-то с имеющимся капиталом пару месяцев мы протянем и даже на привычном уровне, а если зажаться, то и дольше. А потом... за потом думать не хотелось, разве что о работе. Зря я махнула шашкой... или не зря – пришлось выбирать и я выбрала маму. Время потому что... Его осталось мало.

Но если врач ошибся и еще пару месяцев Рита останется хотя бы на том же уровне, то работу искать придется.

И тут я представила, как беру штурмом средненькую или совсем дешевскую организацию или юридическую контору... попасть в серьезную вот так с улицы – без шансов. Юристов нынче, как собак нерезанных... (погуглить потом - откуда такое вкусное сравнение). Да... - трудно шевелись засыпающие извилины - «Стратегия...» тоже не вариант – там Слав и не только. Все в конторе были нечаянными зрителями концертов, которые я давала. Так что... И вот значит, прорываясь в кабинеты любой ценой, уверенно и преданно глядя в глаза, подталкиваю я такая... по столу стопочку документов. И даже если получится быть ну о-очень убедительной, дальше последует звонок на предыдущее место работы и разговор с Барком или же Мятловым. Второй – приятный невысокий мужик с залысинами, знает меня лучше, но явно уже обработан соучредителем как надо.

Вообще устный запрос - нормальная практика. Доверие между клиентом и адвокатом (в моем случае – юристом) один из нравственных принципов системной деятельности. Доверие внутри системы тоже приветствуется, но, как правило, не практикуется. А конкуренция зверская, потому и перспективы мои до крайности хреновые. Но пару месяцев точно об этом можно не думать, сейчас в приоритете Рита, остальное терпеливо ждет. А потом... дальше видно будет, там я просто могу не выжить.

Или выживу... Все проходит, пройдет и это - если по Соломону.

Глава 6 Два года назад. Депрессия

Чтобы избежать пустых разговоров, все ускорить и упростить процесс для себя и врача тоже, он составил список. Писал долго. Поздно вечером. Соображал, формулировал. Нужно было точно, потому что хотелось ответов.

- И что у нас здесь? – развернул тот листок, - интересно... Сам хотел бы знать точные ответы на эти вопросы.

- То есть... расписываетесь в профессиональной несостоятельности? – агрессивно уточнил Влад и... захлопнулся, заиграв желваками. Стыдно? И не то, чтобы... обидно скорее.

Но мужик напротив смотрел на него спокойно и без раздражения. А мог бы. Мог осадить таким... значимым взглядом и был бы прав. Все-таки стыдно, пожалуй. Влад неловко отвел взгляд.

- Нет, пасовать перед трудной задачей не собираюсь, - ответили ему даже будто доброжелательно, - с какого пункта пойдем?

- С любого – похер! - вырвалось-таки! Твою ма-ать... Влад потер лоб, поправил очки, тяжело вздохнул и постарался внутренне собраться... очередной раз. Какого-то черта буквально распирало от желания огрызаться, зудело и чесалось.

- Тут вынужден уточнить – или мы на «ты» и тогда, как говорится, оба «снимаем галстуки», или же на «вы» и тогда держимся в рамках, - легонько куснули его в ответ и стало вдруг легче. Необъяснимо легче.

- Прошу прощения, раз так... хотя и не обещаю.

- Я не настаиваю на жестких рамках. Если на эмоциях, а не для связки слов, то допустимо, а иногда и полезно. Но я хочу видеть точно обрисованную грамотной речью картину. Хорошо... тогда пункт первый – «низкий тип стрессоустойчивости». Как понимаю, вопрос не риторический. Кто ставил диагноз?

- Жизнь, – трудно настраивался пациент на откровенность.

- С какого возраста у вас проблемы со стрессоустойчивостью?

- До девятнадцати была одна - «кому вдуть», - да что за блядь?! Влад шатнулся встать: - Прошу прощения, но боюсь сегодня я вообще не готов. Нужно было отзвониться и перенести – на рваных нервах весь день, док.

- Я тоже на них. Вместе, думаю, справимся, - покладисто пообещал тот, - хорошо... но потом эта проблема перед вами встала. Судя по грамотной формулировке, вы поднимали информационные источники и должны знать, что – нет, не приговор. Существуют специальные методики для развития и повышения личной стрессоустойчивости.

- То есть...? Бред тогда, - прошептал пациент, постепенно повышая голос: - Все эти техники позитивного настроя, медитация и правильное дыхание, «смена рук», «рефрейм» - бред! Исключить трудоголизм – бред. Даже если сама работа является источником стресса, она есть занятие, а только оно и держит. Личные границы на моей работе установить невозможно. Исключить токсичное общение? Да п... вообще, как просто! Обеспечить себе здоровый сон, отдых? А это уже издевательство. Насколько вообще психология является наукой?!

- Поговорим об этом? – серьезно кивнул врач, - она считается «мягкой» или социальной... неточной наукой.

- Даже не наука, - горько подвел итог Влад.

- Одна из областей человеческого знания. Что вообще определяет науку, какие признаки? Не напрягайтесь, я отвечу сам: во-первых - строгая терминология. А разве можно четко определить, что такое радость, грусть, счастье, любовь? У каждого они разные. Еще для науки обязательна измеримость. А как измерить глубину горя? Что еще...? Воспроизводимость. А как мы можем в точности повторить, если каждый человек уникален и неповторим? Дальше –

предсказуемость... я и о себе не скажу на что способен в крайней ситуации. И следующее, что определяет науку – опровержимость. Но даже у теорий Фрейда и Юнга нет моментов, которые можно жестко проверить на истинность или ложность. С точки зрения любой из них можно объяснить все, что угодно.

- И толку в них тогда?! – скептически прозвучало из кресла.

- А толку тогда в метеорологии, социологии, экономике, политологии и даже истории? Они тоже относятся к не вполне убедительным, нестрогим наукам. Там тоже специалисты ломают копья, отстаивая часто совершенно противоположные мнения. Кстати, существует полярная теория... будто бы низкая стрессоустойчивость или непереносимость фрустрации – это ошибочное предположение, что «если что-то трудно вытерпеть, то оно непереносимо». Ошибка мышления, так сказать - непереносимости нет, границ терпения не существует.

- Или они еще есть, или уже нет нас? – едко заметил Влад, - а чувство нарастания этой непереносимости вплоть до потери трудоспособности тоже ошибка? Может и так. Что тогда я здесь делаю?

- Вы здесь потому, что решили довериться мне, а у меня есть желание и возможность помочь вам.

Влад тяжело молчал, глядя куда-то в сторону.

- Судя по тому, как у вас... накопело, проблема существует давно. Однако же до сих пор вы как-то с этим справлялись. Как именно?

- Шлюхи, - будто выплюнул пациент, - белобрысые, коротко стриженные, в красном. От силы пара минут, поза – раком.

Его кулаки сжались на коленях, взгляд глаза в глаза - будто вызов. Слова буквально проталкивались глоткой.

- А почему настолько узкий типаж? – заинтересовался врач, - есть предыстория?

- Да... отец спасал тонущую маму, погибли оба. Я был пьян... вернее хорошо выпивши. Вдрызг не надираюсь – здесь и порог, и уровень контроля достаточно высоки. Или просто физиология... - жестко чеканил мужчина, - стукнуло девятнадцать, отмечал в клубе, и – телефонный звонок. Весь вечер на мне висла телка... и все перемешалось, помню только жесткий трах прямо там, за углом... или портьерой. Я думаю - случайность. Окажись ближе спиртное, а не она – просто нажрался бы вхлам. Сброс был... чего-то там? – мотнул он головой, - может вопрос жизни и смерти... я не знаю!

- Опасений, что вас могли застать, не было?

- Не помню... - растерялся мужчина, - а какая разница? В том состоянии я и на бис легко...

- Коротко стриженная блондинка в красном?

- Да.

- Другие расцветки пробовали? Хотя бы пытались?

- А зачем? – удивился Влад, - на хрена вообще эксперименты? Если испытанный уже способ...

- Вы получили привычное удовольствие? Насколько острыми были ощущения?

- А... Да – отпустило, разом. Ощущение...? Противная, дрожащая слабость. Знаете... когда резко уходит сильная боль, физическая имею в виду – пот, руки дрожат. Но соображать уже мог. И потом - только шлюхи, так проще. И предвосхищая вопрос: как-то иначе... пытался понятно, слабаком быть радости мало. Перелопатил тонну макулатуры, пил... не помогало даже если бухать зверски, еще и головняк потом. Разок, еще до Марины, так набрался в лечебных целях... больше не рискну. Пробовал по принципу «само рассосется», - напряженно вздохнул он, - и любая мелочь выводит из себя, сон не идет, тяжесть свинцовая в затылке, жрать не могу... и по нарастающей. Но самая хрень - в работу не врубаюсь, а я специализируюсь в уголовном праве. Что еще? Тянуть до предела не рискнул, так что не знаю, чем в итоге могло...

И еще – тоже предвосхищая: поводы были достаточно серьезны, не «пробитая шина». Я так считал во всяком случае.

- А сейчас не считаете?

Влад пожал плечами, отводя взгляд. Промолчал.

- Хорошо... телок совсем не различали, важен только общий типаж?

- Под дулом автомата не вспомню. Только поводы для срыва.

- А пример?

- А пример...? Последний пример – развод. Я не видел причин, а она отказалась объяснять. И - бессилие... тотальное, в край. На стенку лез, думал загнусь с него на хрен - убью или сам убьюсь! Дальше злился на нее, даже ненавидел... там будто другой человек был, дрянь последняя - не моя Марина. Абсурд какой-то – я просто не верил! Но потом - еще хуже...

- Еще чья-то смерть?

- Нет, Марина выжила. Виноват в аварии я.

- Гибель родителей... ощущения от нее к тому времени уже утратили свою остроту?

- Считай... да - пятнадцать лет. Время все сжирает. Так что окунулся заново, думал – не выплыву.

- Почему не прибегли к испытанному способу?

Владислав промолчал, покачав головой. Взялся протирать очки чистым носовым платком. Помолчали...

- Хорошо... к этому еще вернемся. Жена как-то узнала об этих... эпизодах?

- Да. Выяснил уже потом.

- Со времени развода прошло...?

- Год, чуть больше.

- Отвлечемся. Второй и третий пункты из вашего списка... почему именно эти вопросы? Я с ходу назову еще десяток не менее интересных с точки зрения психологии. Так почему? - качнулся к пациенту мужчина.

- А непонятно? – поднял на него холодный взгляд Влад, - я не понимаю о себе элементарных вещей. Со мной реально что-то не так! А еще проблемы с физиономией и бабы не нужны. Но мужиком себя не чувствую по другой причине - у меня нет больше любимого дела, я буквально заставляю себя работать. Скоро просто не смогу зарабатывать. И не характер – меняется личность, меня люди не узнают, я выгляжу иначе! Сам это вижу. Но люди не меняются, может в мелочах, но не так же!

- Кто вам такое сказал? – последовал спокойный вопрос.

- Все... это общеизвестно, - растерянно тормознулся Влад.

- Что именно не меняется? Человек состоит из столько всего! Могут измениться характер, ценности, цели, мотивы, привычки, стиль поведения, внешность, речь... Трагическое событие, жизненный кризис, затянувшаяся черная полоса запросто могут стать причиной такой вот трансформации.

- Не в лучшую сторону изменения, док, потому и терапевт в итоге. К просто психологу я обращался, когда Марина еще жевала... решалась на развод. А мне предложили «сыграть в игру». Может и был в этом какой-то смысл, скорее всего что-то типа тестирования. А требовалась срочная серьезная помощь! И я опять пошел к шлюхе. А сейчас уже точно нужно лечение. Может и медикаментозное.

- Почему нет? – согласился врач, - мы уже подключили препараты, снижающие тревожность. Дождемся... И результата анализов тоже. А еще разберемся со степенью вашей вины. Страшная штука, я вам доложу.

- Вина моя оправдана. По факту, - глухо отозвался мужчина.

- Вы слишком заиклены на ней – как правило в таких случаях люди сильно преувеличивают степень. Долго варятся в ней, надумывают, накапливают... но это отдельная тема. Вернемся к вопросу - вы продолжаете прибегать к помощи «телки в красном»?

- Нет. Когда понял, что Марина знает, все изменилось.

- И как же справляетесь? Или поводов для срыва больше не было?

- Сейчас я иначе мыслю. Я же говорю - странно все... одно и то же видишь совсем иначе! Изумляешься даже блядь! Или... раньше масштаб неприятностей был сильно преувеличен, – тяжело выдавил из себя Влад, - или случился перебор и что-то сдвинулось в башке. Знаете... как по шкале – в моем случае увеличивая степень выносливости, а не наоборот. Развод, авария, потом отъезд Марины, ненависть звериная – жалел даже одно время, что выжила... в общем – тяжело! Выл без нее. В квартиру войду и вою. Американские горки. Клубный загул потом, работа... А чуть отпустило и я как в смолу попал! Тупо плыву по течению, сил хватает коротко собраться, чтобы решить конкретную задачу. Спринтер, мля... Потом опять на горбу горы. И сброшу их следующий раз или не смогу... не захочу – серьезный уже вопрос. И к вопросу о стрессоустойчивости - чего мне ждать? Я пятнадцать лет с этим жил и боролся, как мог. Херовым способом, потому и пошло все по... - подавился он грубым словом, - но тогда я боролся с отдельными моментами, а сейчас весь в непонятном говне. Барахтаюсь в нем... весь в тоске и печали, мля... Хоть вой! Нет, как-то жить с этим можно...

- Ухудшение общего состояния случилось после аварии, как я понимаю - не развода, - крутил в руках ручку спец, - авария была уже после него, так же? Хорошо... А раньше эпизоды со шлюхами воспринимались вами...?

- Не гордился, но и чем-то из ряда вон... изменой точно не считал. Эмоциональной точно не было. Было легкодоступное лекарство с эффектом мгновенного действия. Я задолго до брака приспособился и полностью потом абстрагировался... уже на следующий день практически забывал и жил вполне себе... Верите? – требовательно подался к врачу Влад.

- Да. Бывает, психика так реагирует – частично или полностью выбрасывая травмирующие воспоминания.

- Как среагирует Марина, если узнает, я отлично понимал. Но это было редко. И, наверное, можно было иначе... я делал, как быстрее и проще, - пошарив во внутреннем кармане, Владислав снял очки и вытер носовым платком влажный лоб и затылок.

- Хорошо... сейчас я измерю ваше давление, а вы в это время вспоминайте какие именно события послужили причинами срывов? Хотя бы во время брака, вкратце. Что-то связанное с работой? И как часто это случалось?

- Да нормально давление... Шесть лет брака. Четыре, а с тем разом – пять причин. Помню, расскажу конечно, - не понимая сам почему, с облегчением выдохнул пациент, снимая пиджак, а потом расстегивая непослушными пальцами рубашку и стягивая ее с одного плеча.

- Хорошо... расслабьтесь сейчас - все сложное на сегодня позади. И на один из вопросов списка мы с вами почти ответили – низкая стрессоустойчивость в настоящее время не основная ваша проблема. Она вообще под вопросом. Мы спокойно... очень спокойно и подробно выясним это на следующей встрече, - расправляя манжету аппарата, улыбнулся врач.

А Владислав только сейчас обратил внимание на то, что форматный лист на его столе исписан почти полностью – заметками, цифрами, скобками, стрелочками, соединяющими отдельные записи.

- А сейчас... серьезного расстройства психики, имеющего патологическую этиологию, я не наблюдаю. Но явно имеется затяжная депрессия – штука нехорошая, но решаемая. Помолчим... - после манипуляций с тонометром он опять сделал запись, - ну так я вас слушаю... Постарайтесь совсем успокоиться, сосредоточиться и найти определение буквально в двух словах. Такой знаете внутренний обзор... не спеша, и каждый случай в двух буквально словах...

Глава 7

Рита всегда была мировой мамой. Может и не особо ласковой, так и она в детстве много ласки не знала. Но всегда стояла горой за меня, всегда мои интересы были для нее главными. Жаль, что о себе я того же сказать не могу – дочка я так себе.

Рита умирала. И ее лечащий на это намекал, да я и сама все видела и понимала. Пятнадцать лет она дисциплинированно выполняла все требования и предписания касавшиеся болезни. И всё равно та брала верх. И правда все шло, как по медицинскому учебнику, может потому, что причина болячки никуда не делась. Мама периодически сдирала корку со своей раны, копаясь в ней и устраивая рецидивы. Но винить ее было бы странно, тут каждый выживает, как может.

Я готовилась, знала, приучала себя к мысли... Единственно, к чему готова не была, это к похоронам - просто запрещала себе заранее думать обо всех этих... обязательных хлопотах. А потом оказалось, что заботы эти, вся эта беготня, проблемы надуманные и настоящие на короткое, но самое страшное время дают силы жить, двигаться и дышать.

Три дня ее комы я вообще почти не помнила. Рита еще раньше просила обойтись без лишней суеты, я никому и не сообщала. Напрягать людей, чтобы тупо сидели рядом и помогали гнать мрачные мысли и правда смысла не было. Ей они тем более не помогли бы, даже ее любимый Слав...

Раз в неделю я уходила из дому на полдня, потому что к маме приходил ее друг – мой бывший муж. Да хоть черт с рогами – решила я по приезду домой после пластики, лишь бы ей в радость! Потому что знала – радости этой осталось совсем мало. Мама всегда честно предупреждала о времени его прихода и никогда он не появлялся раньше и не задерживался дольше оговоренного времени. Приходил только к Рите, а я была не против – у меня рисовался почти полноценный выходной, свободное время, когда я немного отвлекалась и отдыхала - в парке, как правило. И летом, и зимой там была куча интересных занятий - купание в мелкой порожистой Вельке, пляж, оборудованный возле затона, велосипеды, пляжный волейбол, ватрушки зимой, а когда и мини-концерты и даже хороводы... Я возвращалась домой с новыми силами, будто зарядившись от батареек. Маму с чистой совестью оставляла на Славу, в этом я ему доверяла. Да и ненависти к нему давно уже не было.

Просто у нас случился разговор – разумный, взрослый и на удивление мирный, где мы закрыли вопрос обид и любых отношений. А еще я на тот момент уже подумала. Успокоившись и более-менее упорядочив и осадив то, что кипело в голове, я хорошенько подумала...

Застав мужа в его кабинете со спущенными штанами и левой бабой, разложенной на столе, я как-то упустила из виду, что он уже бывший. Что ушла я от него сама и без объяснений, хотя он яростно их требовал. Будто сам не знал, идиот...

Упустила из виду, что это мною, а не им при разводе, которого он категорически не хотел, прямо из задницы рулило дерьмо... что это я напоказ делила каждую мелочь, позоря его и себя - дергала ему нервы, получая от этого садистское удовольствие... что это я после развода ходила в нашем общем офисе при полном параде с видом победительницы... Что это я – сама, выскочила тогда, как безумная и в неадекватном состоянии села за руль, хотя за мной никто и не думал гнаться. И это я отделалась считай малым, хотя могла покалечить и даже убить других людей.

Именно я нагнетала градус этой истории, накручивая его и себя тоже, а могли разойтись тихо и мирно, и все уже было бы забыто – давно существовали бы параллельно, как существуем сейчас. Умирать по нему столько лет, как мама по отцу, я точно не стала бы. Женская обида? Так на обиженных воду возят! Знала за кого выхожу, сама такого выбрала.

До этого я понятия не имела, что он погуливает. Вот Демьянцеву не сильно и удивилась, но Славка не настолько красавец, при взгляде на него бабы не забывают дышать. А еще он показушник и любитель пустить пыль в глаза и все-таки... все-таки да - интересный, веселый и умный мужик... умный! На это и была надежда. И кривые ухмылочки его, язвительный блеск очков, насмешливые приколы были не для меня, а потому и не напрягали. И баб у него в прошлом было достаточно. Я думала нагулялся.

Может и чувствовала иногда что-то такое... легкое несоответствие: беспокойство, раздражение, нервы его, но никогда не лезла в душу и не требовала объяснений – не привыкла. Всегда считала, что человек имеет право на настроение и эмоции, нужно будет – поделиться ими сам. Я и сама не любила напрягать собой кого бы то ни было - муж, сват, брат... разве что крайняк настал, как с поездкой к Ксюше. Воспринимала все эти трудности, как временные, как проверку наших отношений на прочность. И неудобные ощущения прогоняла, стараясь позаботиться лишний раз, отвлечь, а мыслей об изменах вообще не возникло ни разу. Так и парила бы в розовых облаках, если бы не случай. Тогда и поняла, как мало значу для Слава.

Я сидела одна за ресторанным столиком, смотрела со стороны и даже не пыталась сравнивать себя с Еленой Спиваковой. Понятно было, что она та, кем я стать никогда не смогу, как бы этого ни хотела.

Я же тоже постаралась, собираясь в тот вечер. Макияж, прическа, одежда... мое платье было даже более смелым и шло мне невероятно – молочного цвета умеренное мини, с одним рукавом. Его кончик уголком из золотистых стразов касался первой фаланги пальца. Такая же золотистая полоса охватывала второе, оголенное предплечье. Белые ногти с золотым принтом, туфли... есть такой грех – люблю я белый цвет. Белое авто, белый интерьер... перебор, согласна. Но выглядела я тогда на все сто от того, как могла.

На меня обращали внимание, провожали взглядами... и возвращались ими к Спиваковой.

Дело было не только в одежде и даже не столько во внешности. С этим нужно родиться, это нельзя объяснить, нужно видеть - торжествующая харизма, щедро расточаемые флюиды уверенности и благополучия, потрясающая грация в каждом движении... даже пальцев. И все как-то сразу, вместе - гармония сияющей внешности и сильной личности. Воплощенная, мать ее, женственность, сдобренная интеллектом! Там было странное волшебство, которое коснулось даже меня, пригибая к плинтусу, что уж о мужиках...

Спивакова слепила собой, как солнце и как солнце сжигала все, до чего дотягивалась. Уничтожила на хрен свою семью, Ксюшину, мою... А сколько и кого еще, можно только догадываться. Но земля ей пухом, как говорится - дело не в ней!

Дело было в моем тогда еще муже. В том, как он вмиг забыл обо мне, подсев за другой столик, как смотрел на нее, как перло из него... Насколько он собрался и мобилизовался - до предела просто. На завоевание, покорение, а если не так, то и на покорность, чего доброго. А как еще? И что еще?

И она похоже это понимала, свысока так... по-королевски внимая ему и снисходительно бросая взгляды в мою сторону. Но с моей стороны видно было и то, что такой вот по-собачьи преданный... он ей на фиг не сдался! И все равно она лениво играла в заинтересованность, пытаясь вызвать ревность другого человека.

И это я видела. Как и то, что помани она тогда Слава и он даже не вспомнил бы, что я где-то здесь сижу. Он уже весь был ее – с потрохами! С нашей историей и нашим будущим, с радостью, что новый фордик... с решением родить ребенка... с выбором имен для мальчика и девочки, с тостами за это вот только что... с моей готовностью отказаться с завтрашнего дня от таблеток.

А еще же Ксюша! Тогда еще не подруга, а просто хорошая знакомая, жена нашего друга, со скучающим видом наблюдающего потуги Слава и жалкие куски внимания, которые бросала в того его любовница – мимолетный взгляд, скупая улыбка.

Я изо всех сил держала лицо и чувствовала себя несчастной, обманутой мужем и всем миром Ксюшей. Обидно и стыдно было за нее, за себя и за своего мужа, потому что Славка поплыл, Славка на хрен утонул в этих крохах внимания.

Был вариант отойти в туалет и переждать свой позор там. Но мне казалось, и она поймет это, как отступление, так что кота за хвост тянуть, раз все настолько очевидно? Я решила сразу и капитулировать – и хрен с ними... троими. Слав догнал меня, когда я садилась в машину.

- Мариш, ну ты чего сорвалась? Я надолго оставил тебя?

Она подсказала? Скорее всего. Сам бы не оторвался. Ну что сказать... спасибо тогда?

Почему-то язык не повернулся предъявлять ему Спивакову. Не знаю... то ли мусолить свое унижение не осталось сил - я позорно бежала от него. То ли я понимала, что все случившееся на уровне тонком, чувственном и вина Слава практически недоказуема, а голая предъява - глупо... Еще и истеричкой на пустом месте выглядеть не хотелось, а ею он бы меня и выставил, потому что лучшая защита - нападение. Мне вообще не хотелось разборок, ничего не хотелось - забиться куда-нибудь и тихо полежать и подумать, а он зудел, выяснял, не унижался никак. И я обвинила его обоснованно - вместе со всем мужским родом и Демьянцевым в том числе. Его я тогда практически ненавидела - это он нагло вывел на люди свою гадину, а дома ждала мужа Ксюша, а дома у него Яна...

Нет, я правильно сделала - и что ушла сразу к маме, и что наняла детектива. Нужны были дополнительные стимулы, доводы, причины для развода, трудно было решиться на него даже после «ресторанного унижения». Хотелось быть уверенной, что поступаю правильно, убедиться.

Убедилась – Слав не просто таскался, он таскался по шлюхам, разово снимая их за деньги.

Ну и... ожидаемо понесло – со злым весельем и мстительным удовольствием. Такая вот реакция - будто пурга закружила и завела без возможности прийти в себя, отогреться и ожить. Я и не жила тогда, а проживала каждый день - на подъеме, увлеченно, радостно даже, будто в пьяном угаре. Да я даже пила и ни Валины, ни мамины выволочки и уговоры остановиться, успокоиться, уехать, в конце концов, куда-нибудь на время развода ничего не дали. Однажды сдержанная правильная Валентина даже надавала мне пощечин и обозвала бессовестной дрянью, мама плакала. На время я притихла, но стоило увидеть его... и опять понесло.

Чем я тогда жила, чего ждала? Да ничего нового – как и любая бы на моем месте, я и правда ждала. Глубочайшего раскаянья, теплых слов, нежности, признаний, понимания... Я простила бы – слишком, гадство, болело. Да я просто не тянула! Выплескивала на него, сцеживала вместе с горьким ядом, но меньше боли не становилось. Простила бы просто чтобы выдохнуть, взять тайм-аут, чтобы хоть чуточку легче... на время хотя бы. Я знала, что будет на время, но все равно ждала, ну и дождалась – ситуации, как в том анекдоте. Знал, что я приду, сам позвал с документами.

А дальше был срыв. Я даже не помню, что тогда орала ему, что предъявляла... идиотка. И самое обидное - никто кроме меня здесь не виноват. Искалечило меня то, к чему сама же я и шла. Ничем хорошим моя бравада и вызов Славу, всему миру и себе самой и не мог закончиться – плавно прекратить это безумие не представлялось возможным... вляпалась бы не тут, так там, могло и хуже – суицид или тюряга. Что-то должно было остановить меня и - бинго!

Зато от страданий с сожалениями отвернуло напрочь. Увидела себя в зеркале и как отрезало! Проснулась наконец от затянувшегося кошмара и ситуацию оценила более-менее адекватно. Одумалась.

Правда не получалось строить далекоидущие... но это ерунда, я считала - вопрос времени.

И тут вдруг зашевелился он, тоже будто опомнившись или проснувшись. Приполз с глазами виноватой собаки, пряча их то ли от стыда, а скорее - чтобы не видеть... сразу после операции витрина моя представляла то еще зрелище.

И тут начался какой-то сюр...

Глава 8 О любви

Доктор распахнул дверь, выпуская предыдущего пациента и, устало шурясь, пригласил Влада:

- Прощу! И прощения тоже - слегка вышли за временные рамки.

Влад проводил взглядом угрюмого тучного мужчину, тихо и осторожно прикрывшего за собой входную дверь, и молча кивнул – бывает.

В кабинете привычно присел в то кресло, на которое указал врач – на этот раз у стола. Но сам хозяин не спешил садиться напротив. Постояв посреди комнаты, он вдруг предложил:

- А что, если хотя бы сегодня мы перейдем на дискуссионный формат общения? Давайте просто побеседуем, поспорим даже и может – зеленый чай? Завариваю сам, прямо в чашке. Кофе принципиально не пью.

- Можно – чай... а тема?

- Пройдемся по второму пункту ваших записей.

Он набрал в чайник воды из кулера и поставил его кипятиться на подоконник, а сам пока достал из шкафчика чашки и листовую заварку. Объяснил:

- Презент, велено пить только без сахара и заваривать недолго, а то вскроется горчинка. Ну так вот что я думаю по поводу того, что... можно ли ошибиться, не узнав любовь...

- Да неважно это, ерунда... Проехали эту тему, док! - то ли смутился, то ли растерялся Влад. Второй вопрос из его списка, как, впрочем, и весь он, казался сейчас продуктом затянувшегося психоза, истерикой, недостойной мужика. Сама тема – скользкой какой-то... Как вообще пришло в голову? С вечерним бредом, похоже. Ну не лежала душа к этому... лечению души, не нужно было и начинать, кто тебе виноват? Не этот же человек, как и он сам, уставший похоже до чертиков?

- Почему неважно? - поставил тот перед ним прозрачную и настоящую «мужскую» чашку – большую и устойчивую и присел за стол напротив: - Вы отдыхайте пока... просто послушайте. И возражайте, если сочтете нужным. Мы просто беседуем, а вопрос действительно интересный. Многие... и специалисты в том числе, уже пришли к выводу, что э-э... любовь это или что-то иное - определить трудно, почти невозможно. Поэтому так высок процент разводов в ранних браках. Потребности тела в этом возрасте превалируют, трезвый взгляд на объект желания отсутствует, желание обладать телом важнее желания лучше узнать человека. Страсть сравнима с наркотиком – он так же искажает восприятие и дает лишь короткое наслаждение. А схлынет со временем и кажется – просто совпали во многом, просто хорошо рядом, приятно и удобно – пошла привычка. А привычка как бы рутина, так? Но это так и должно быть, уже включился и анализирует мозг - что тебе хорошо, что выбрал ты правильно.

Влад молча и внимательно смотрел на него. Тяжело сглотнув, кивнул, не отводя взгляда.

- Или нет... и ожидаемо начинаются нестыковки и трудности разного плана, которые особо и нет желания решать. Разочарование – под дымкой чувственного флера скрывалась не совсем та действительность. К сожалению, так случается чаще.

- Не наша ситуация, - выдохнул Влад, - я выбрал жену вполне осознанно, даже слишком осознанно и голову мне не сносило. Все друзья женаты, сам нагулялся - десять лет почти делал все, что хотел, как хотел и с кем хотел. А Марина сразу понравилась, и я решил присмотреться, - водил он по ободку чашки пальцем. Помолчал... доктор не торопил. А он вспоминал слишком свое, личное...

У Маринки родинка возле рта... тысячи раз целованная и взглядом, и губами - на нее и обратил внимание в первую очередь. И все остальное – легкие движения, прямой взгляд, улыбка, которая красила ее необыкновенно, тихий искренний смех... Но красивых много,

девочку хотелось узнать лучше, раз планы серьезные и он ищет жену. И он узнавал. В итоге понял, что нашел свою. Живая, ненарочитая, свежая... ничего в ней не отталкивало.

- Она юрист, есть общие интересы и темы – это же важно... а еще понятно было, что и она действует осознанно, с умом, знает чего хочет. Но это потом, а вначале подумал – почему нет? И добиваться потом ее было приятно, азартно... почти сталкерство получилось, - замолчал он опять.

Она и нравилась необыкновенно, и бесила, потому что хотел, а со временем и очень сильно ее хотел. Но сразу же какая-то гордость за нее, что ли? Как за свою уже. Понимание правильности. Иначе бы просто - проходной вариант. А она жилы тянула, но понятно было, что это не тактика и не хитроумный план. Да и не таким он был подарком - предпочтений почти ноль, никаких гарантий, можно сказать, будущему инвестору. И в материальном плане тоже - только профессия и своя хата, пусть и неплохая, дачу родительскую прожрал пока учился. Ну и слава у Славы тоже была не очень.

- Она тоже узнавала меня и обо мне. Много не нравилось, но я ни хрена не отшивался, заходил с другой стороны. Полгода такой... охоты и другие как-то уже... пресно казалось и скучно, да и некогда - все силы брошены на нее. Не снесло мне мозг, док, я им работал, впахивал - целую войсковую операцию разработал и провел.

- Полгода... только эта охота? – уточнил тот.

- А? Нет, нормально, - понял его Влад, - это, как на слабо - сила воли, все дела... даже интересно было испытать себя, все-таки готовился к браку. И потом – я же еѣхотел. И семь лет разницы обязывали, что ли?

Да, он больше не смотрел на других и с ней тоже держал себя в руках. И добился в конце концов. Первый раз получился, как пытка. Потому что понимал – для нее это важно. А еще - как космос! Марина уснула, а он все еще на взводе - голодный, трясло всего... то под холодной водой стоял, то сидел на кухне, то ходил посмотреть на нее и опять – в душ. И думал, думал - до утра, сон не шел. Принимал окончательное решение и свою ответственность за будущую семью, мысленно соглашался с обязанностями ее главы и обязательствами перед своей уже девочкой.

А еще хотелось, чтобы все красиво – как положено, чтобы соответствовало моменту. Будил ее запахом кофе, водил по лицу цветком розы... честно сказал, что не хочет расставаться даже на день и предложил замуж. Легко признался в любви – они же этого ждут, без этого же - никак? Всегда считал – дает ей все, что может и даже больше. Женился и до старости планирует жить с ней - чего еще? Может потому и эти... эпизоды не давили на совесть? А сейчас...

- Сейчас вспоминаю простые, простейшие буквально вещи. Вечером бывает так накатит... в основном как раз вечером, - потерянно качнул он головой.

- Вечер трудное время, - отстраненно согласился врач, - к ночи чувства обостряются, эмоции ярче. Но их направленность зависит не от биоритмов. Большое количество негатива на работе, одиночество, физическая усталость, склонность к самокопанию... к концу дня как раз и накапливается. И если воспоминания приятные, это спасение.

- Разные, док... Но да, в основном - да, иначе развратишь... и совсем не уснуть. Оказалось – помню такие мелочи! Желтые перчатки... в мыле, ей волосы мешали, а я их убрал. Она оглянулась и улыбнулась особенно как-то... что запомнилось. Сейчас понимаю, что это оно и было - то, что в ответ... тут, - коснулся он рукой груди, - такая мягкая теплая волна – быстро, тесно... и очень сильно.

- Нежность... - едва заметно качнул седой головой доктор.

- Да. Без Марины плохо - крайне. Хочу обратно туда – домой хочу! Смертельно. Тоска блядь зеленая и сдохнуть легче, чем так мучиться! Не просто расчет и химия значит? - крепко сжал Влад губы и умолк, неловко отводя взгляд и вдруг разом пожалев о том, что вообще рот открыл. Хотелось вскочить и уйти, бежать. Он остался в кресле. Потер лоб пальцами, будто

нечаянно прикрывая ладонью глаза. Очки мешали. Снял их, неловко завозился, потянувшись за носовым платком.

- Любовь не химия, - ровно подтвердил врач, изучая свою манжету. На предмет чистоты, наверное: - Гормональная система не реагирует на кого-то единственного, она умеет подстраиваться и синхронизироваться с другим человеком.

- А что тогда, откуда эта дрянь? Она же изводит! – потерянно взглянул на него Влад. Неловкость так же вдруг прошла: - И где тогда раньше вся эта хрень была – сопли все эти? Я же осознанно выбрал Марину! Так было или не было? А если нет, то какого хрена я жить без нее не могу нормально?!

- У вас комплексная проблема, Влад... рано еще говорить. А почему для вас насколько принципиально, как именно называлось то, что вы чувствовали к жене? Важно, что это было, как его ни назови.

- И есть. Но тогда все ровно шло, а сейчас - душу на фарш...в кашу. Тогда что это - наваждение, психоз? – отвернулся Влад.

- От любви, как правило, слишком многого ждут и причесывают ее по общепринятым понятиям, а она ведь тоже разная. И брак, построенный на одной только любви, имеет гораздо меньше шансов, чем выстроенный даже просто на обоюдном уважении и искренней симпатии. А что есть любовь? Даже внятного, категоричного определения этому феномену нет, зато есть десятки толкований. Каждый мало-мальски известный философ или психолог считает своим долгом... Но при этом имеются признаки любви и даже список, и не одним, представьте себе, - пожал плечами мужчина, будто не зная, как к этому относиться.

- А если вкратце – во главу угла ставят то, что страсть эгоистична, а любовь жертвенна. Для меня и это спорно, слишком тонкая грань тогда между любовью и мазохизмом. Предполагается же энная степень накала чувств? Раз любовь. И одну только химию, как причину любви, лично я отрицаю. Сексуальное притяжение яркая составляющая, но не определитель, раз оно всеядно... И как чай?

- Зачет, док... тому, кто презентовал, - отпил Влад из чашки, - наверное я передержал? Горчинка пошла... но приятная, свежая. И как тогда понять – она это или не она?

- Каждый решает сам. Я согласен с тем, что любовь - *полное* принятие для себя человека таким, каков он на самом деле – без иллюзий. И еще мне кажется... я почти уверен - изначально в любовь не верит ни один мужик - мальчик вначале, потом и юноша, мужчина... пока вдруг не случится что-то очень хорошее или очень плохое. Нужен такой... скажу просто - ментальный удар, чтобы что-то капитально сдвинулось в голове и пришло осознание.

- Меня как раз неслабо приложило, так что вступать в прения по этому вопросу не намерен, - чуть оживился Влад, - давайте дальше.

- Бессмысленно чувствовать вину за то, что от нас не зависит.

- В смысле? А-а... Опять не мой случай. Даже пойми я вовремя, что сразу серьезно впался, отношение к Марине менять не пришлось бы, - хмыкнул Влад, - у меня тут сомнения в собственной адекватности, в здравом взгляде на мир, способности анализировать и понимать элементарные вещи.

- Так мы уже сошлись на том, что некоторые из них трудноопределимы. И у меня для вас новость – у мужчин есть веские причины прятать и даже отрицать для себя чувства. Для нас есть серьезное оправдание подобной эмоциональной закрытости или даже «тупости».

- Хотелось бы знать... - хмыкнул пациент, - если не надумано, конечно.

- Это не только мои наблюдения и выводы, считаю - они логичны.

- Весь внимание, - шевельнулся, садясь удобнее, Влад.

- Э-э... тут хотелось бы сравнить мнения. А то как-то слишком все... будто я вас поучаю, навязывая свой взгляд на предмет. А на каком основании? Психология неточная наука, помните? И мы с вами форсируем... даже слишком форсируем... Так что подумайте до сле-

дующей нашей встречи, поищите в себе ответы. И время уже вышло, пора отпустить моего сторожа. И вот еще - вы последний у меня на сегодня. А не пошли бы мы...?

- С алкоголя только хуже, - усомнился Влад.

- Обижаете. В этом случае мое поведение относительно протокола... я и так нарушаю, можно сказать. Некоторые школы категорически отрицают любой контакт с пациентом за пределами кабинета. Но-о... жрать охота, а хорошее кафе совсем рядом – просто рекомендую, не настаивая на своей компании. Хорошо завтра суббота, устал я что-то... - вздохнул доктор, - с чем сравнить сразу и не придумаю.

- Для меня такая картина уже норма. Каждый вечер так, - невесело доложил пациент.

- Не пропускайте прием препаратов и массаж, очень скоро обязательно наступит мое улучшение, - встал из-за стола доктор.

Влад подождал еще, пока соберется, распрощается с начальством и уйдет пожилая и солидная во всех отношениях секретарь.

- Что вы там говорили о боксерской груше? - поинтересовался хозяин, закрывая свой кабинет и ставя на сигнализацию: - Занимаетесь серьезно или так... баловство? Тогда вы интуитивно нашли неплохой способ сбросить негатив. Иногда полезно бывает помахать кулаками или даже хорошенько прокричаться где-нибудь на безлюдье. Существует миф, что у японцев на предприятиях есть специальные комнаты, где можно бросить дротик в портрет начальства, поорать на него или даже огреть дубинкой его чучело в полный рост.

- Слышал такое. Так миф или правда? – усмехнулся Влад.

- Склоняюсь к тому, что все-таки миф или же дело прошлое. Есть еще любопытные мифы на тему психологии. Например то, что мы используем только десять процентов своего мозга.

- А на самом деле?

- Почти все части и почти все время. Даже во сне наблюдается активность, хотя и не так интенсивно. Или вот еще любопытный пример - стигматы. Существовало мнение, что это нервные проявления у глубоко верующих людей, но оказалось не только – однажды, наблюдая экзекуцию брата, любящая сестра получила такие же, как у него, раны. Психика - страшная сила.

- Сильная штука, да...

Спокойно разговаривая, мужчины неспеша шли по блестящему в свете фонарей тротуару, наступая на мокрые листья...

Глава 9

Тогда Слав нагло приволок свои вещи и заселился к нам в квартиру, пользуясь тем, что мама жалела его, жалела нас обоих... А я после аварии и долгого лечения была еще слаба – подташнивало иногда и даже не кружилась, но как-то странно вела себя голова. Я и говорила тогда тихо и мало – казалось голос эхом отдается в черепной коробке. Выяснять отношения точно сил не было.

А он похоже к этому и не стремился. Да он даже не оправдывался! Вначале вообще злился и психовал непонятно почему. Потом правда стал вызывать меня на разговор и городить откровенный бред, психуя уже из-за того, что глубинная суть этого бреда недоступна моему пониманию. Правду говорят – красноречия адвокатских хватает только на суды.

И вот странное дело – меня даже не возмущало то, что происходит. Внутри будто все застыло. Такая форма истерики? Отупение и горечь... тихо изумлялась всей этой хрени. Откуда в человеке такая простота и такая наглость – найти ответ даже не пыталась. От каких-то рваных и дерганных монологов бывшего уходила от греха – вдруг заразно? Почти всё время проводила в своей комнате, обязательно запираясь. Читала «Борьбу за огонь» – книгу из детства и много спала на препаратах.

Но прошло несколько дней и будто разжалось что-то внутри, отпустило – вернулась эмоции. Или способность чувствовать? И до меня дошло, что ситуация становится опасной – то, что он каждый вечер рядом, в той самой домашней одежде, спит в соседней комнате, пахнет собой, двигается привычно, ест за одним столом с нами, тихо говорит что-то знакомым голосом – простые, обычные вещи. И мама почему-то с ним заодно и говорит с ним по-людски, по-доброму, Славиком зовет. Когда он успел, как и чем переманил ее на сторону зла, я не представляла себе... И поглядывал на меня, вздыхал, терся рядом, таскал сумками продукты и каждый день – цветы, старался угодить... твердил, что нужен. С какого... зачем? Есть я почти не ела – не лезло, от запаха цветов тошнило...

И с речами у него по-прежнему был сплошной затык. Похоже и сам уже это понял и только тянул потом с придыханием и странной в нашей ситуации, абсолютно неуместной нежностью. Поэтому и выглядело оно после всего, как откровенная издевка или насмешка:

- Мариша, Марочка... котенок, ну... Ма-ась...

Да блин! Я похожа на дуру? Понятно, что человеку просто нечего сказать, ему элементарно нечем оправдаться!

А однажды ночью я проснулась – ливень разбудил. Стегал по окнам, ревел в водостоках, хлестал так...! Казалось само стекло уже полностью растворилось в нем и плывет, стекая вниз вместе с водой, красиво подсвеченное уличными фонарями. Сильно. И даже чуточку страшно от такой силы. А у меня голова неожиданно легкая, мысли ясные и логика в них железная. И уже понятно, что не все еще у меня к нему прошло. И дело даже не в пресловутом голоде тела или его памяти. Нет, это тоже не выдумка – все есть!

Но здесь своя психология, наверное...

У нас же с ним, по факту, было только хорошее – из плохого только тот ресторан и несуразный разговор потом, где я предъявляла ему за неправильное отношение к изменам – стеной встала за Ксюшу. А дальше я просто ушла к маме. И только потом затеяла свое расследование и уже по его результатам подала на развод. То есть, самый негатив попер, когда мы были уже не вместе.

А когда он снова рядом – такой, как раньше, а может и лучше – внимательнее, мягче, без пошлых своих словечек, плоского адвокатского юмора и диких жеребьячьих закидонов... Нет, раньше меня все это устраивало и даже нравилось. Вот память и возвращала в райские кущи и обещала золотые горы, а слюна капала даже не на него, а на то – наше с ним... И до

обморока просто хотелось самой грамотно додумать за него то, что он там пытается сказать. И поверить в это.

А тут еще он изменил тактику...

Я беззвучно выла, когда он умудрялся подстеречь меня, поймать и крепко прижать к себе, погладить губами висок, жарко подышать в волосы, провести своей лапой по плечам и спине. Осторожно и ласково так... будто и не переходя границ. Просто доброе отношение – ничего же такого! Или жалостливое, что уже обидно... Но воздействие тактильным контактом выглядело более разумно и логично, потому что период ухаживаний (скрытой эротики и ненавязчивого соблазнения) закончился у нас еще до свадьбы. Те воспоминания были приятными, но уставшими, сейчас же он давил на меня более поздними, сильными и... пряными и вкусными, что ли?

И зудел, зудел внутри противный тоненький голосишко – а может все-таки стоит, а? Потому что оно действовало – беспокойное дыхание его, грохот сердца под моей щекой... Да его всего буквально дергало нервными тиками! Вздрагивал, тыкался мне в волосы губами, грел собой, как печка, прижимался своим... органом. И выглядел, и чувствовался все еще моим, до одури просто моим! Наши ауры притирались годами и опять естественно и привычно сливались, оказавшись рядом и поднимая градус тела. Запахи смешивались... И уже выть хотелось! В голосину, как волку на луну.

Но я просто не смогла бы уважать себя потом! Пускай я кто угодно – дура, слабачка, но не совсем же беспамятная овца? Да я уже не уважала!

Просто так получилось, что ушла я от него спонтанно и неожиданно даже для себя самой. И вышло, что уйти-то я ушла и даже успела развестись, но жизни без него пока не представляла. Хотя руки-ноги на месте, диплом и даже стаж какой-то есть, крыша над головой тоже, но всё это немного другое... И тут будто гипноз какой... или просто временная неприкаянность и растерянность.

Так-то совсем уж дремучей дурой я никогда не была и что со мной происходит, хоть и с опозданием, но поняла - я смертельно устала от любых потрясений, необходима была передышка. От ненависти, от войны этой... Нет, можно было попробовать решить всё раз и навсегда, одним могучим усилием воли - маме строго указать, ему просто написать на бумаге три известных слова и проследить, чтобы ознакомился. Но на резкие движения внутренних резервов похоже уже не осталось - я почти уверена была, что этим не закончится. Он какого-то черта закусил... а мне не хотелось ничего, кроме покоя.

И вот однажды, дочитав и закрыв последнюю страницу «Борьбы за огонь», я посмотрела в окно и вспомнила вдруг спокойную и немногословную... так же, как и я, преданную мужем Ксюшу.

Мы не были достаточно близки, и я не была до конца уверена... но что мне мешало поехать просто навестить ее? Рады тебе или нет, помешаешь ты людям или стеснишь их, всегда понятно с первого слова и даже взгляда. Но даже если всего несколько дней... они были нужны мне. Далеко вот только – Урал... я сомневалась. И не знала, как перенесу дорогу.

Но тут очередной сюрприз - шум, суета, мамин расстроенный голос, обещающий "кому-то полотенцем ниже спины"... Доставили стиральную машину, однозначно стоящую бешенных денег. Иначе смысла в таком жесте просто не было бы - он по определению... или по-славски просто обязан был быть широким. Слав ожидаемо заходил с другого конца, продолжая облогу и конца-края ей видно не было. А мама не справлялась против него, просто не в состоянии была. Я же хорошо помнила каким настойчивым и упрямым он может быть! Пора уже было что-то предпринять и мне, потому что уже и я начинала чувствовать не пойми что. Я же обобрала его до нитки! Это мог быть только кредит. А едим мы все эти дни на какие деньги?

Пришлось принять превентивные меры и бежать на Урал. Как в кино – только что не под покровом ночи.

И все равно даже там я нечаянно продолжала ждать его. Не чтобы простить и вернуться, а чтобы полечить свою гордость, поднять самооценку, которую он на пару со Спиваковой затоптал на хрен. Частично я оторвалась в процессе развода, но снова топталась бы – со вкусом, толком, с расстановкой! Тогда еще не прошло у меня... точило изнутри, как червяк яблоко. Но Слав вдогонку за мной не кинулся. И даже почти сразу съехал от нас – ему вежливо предложила это сделать мама, ожидаемо получив порцию Славкиной агрессии. Но она и это как-то поняла и простила – удивительный человек...

Они продолжали дружить, а как еще назвать такие отношения? Мама в отличие от меня смогла увидеть где-то там и глубокое раскаяние, и даже какие-то изменения к лучшему, и еще что-то охренительно замечательное – я не особо слушала. Рита в самом начале как-то сразу полюбила и жалела его – сироту, а еще умела видеть в любом человеке хорошее. Счастливая на самом деле особенность – когда даже в настолько откровенных мудаках, как ее зять и мой отец. А мне эти его изменения уже не были нужны. Поздно.

И я постепенно успокоилась и зажила у Ксюши, ожидая, когда полностью сформируется келоидный рубец и уже можно будет делать пластику. Ксюша оказалась очень серьезной и очень ответственной, а еще правильной до умопомрачения в самом лучшем смысле этого слова. И Янка у нее забавная, а уж Левушка! Толстенький, тепленький, вкусненький... живая игрушка. И я игралась – почему нет? Если основная ответственность и заботы на Ксюше? Помогала ей чем могла, а мне не падать в мысли о Славе помогала работа – юридические консультации онлайн и моя помощь в создании новой фирмы с интересным направлением «экстремальный туризм». И Саня тоже помог.

И все, что так сильно болело, постепенно отошло куда-то в сторону. Одно поджило, другое заболело – тут опять никто мне не виноват. Закономерность такая, вытекающая из характера. Зависимость судьбы от собственной натуры, наверное.

Глава 10 Два года назад Эмоциональная закрытость

- Ну спасибо тогда... а что здесь? – вертел врач в руках изящную упаковку с красиво выписанными иероглифами.

- Тоже вручили... но я все равно не оценю, вы – возможно. Белый чай, какой-то охрененно дорогой улун прямо из Китая. Килограмм тянет около двухсот штук на наши. Но тут немного, не подсядешь... для общей эрудиции, скорее.

- Спасибо тогда... замутим дегустацию прямо сейчас? - поднеся коробочку к носу, хозяин кабинета втянул в себя воздух и улыбнулся, пожав плечами. Указал не то на подоконник с электрочайником, не то на лениво сползающие по стеклу дождевые струи: - Раз погода такая... стоит согреться?

Раньше Влад любил осень. Именно такую вот – сыкотную и холодную. На контрастах выходило круто – ворваться из сырого, неуютного холода в теплый дом, быстро разуться и пойти, разыскивая по наитию... Еще от двери угадывал где она – включались все органы чувств. Куртку или пальто просто сбрасывал в прихожей на тумбу - спешил отогреться рядом. Маришка ворчала потом, убирая одежду на плечики. Но не всерьез – тоже ждала его. Если бы всерьез – он больше никогда не делал бы так.

- Не стоит, я все-таки больше по кофе – пробивает мозги, - оторвал он взгляд от мокрого окна, - а остальное так... щекочет.

- Ну, мне больше достанется, - отложил Михаил коробочку.

- Я думал над домашним заданием.

- И как?

- И - никак. Это нужно иметь философский склад ума.

- Ну нет, так нет. Выступлю опять соло. Все равно у нас с вами все наперекосяк, не по канону, скажем так... Значит, о чем мы? – присел врач в кресло, - тому, что мужчины «не желают» проявлять свои эмоции, есть грамотное объяснение и даже оправдание. Изложу пока вкратце: мальчиков с детства приучают скрывать свои чувства.

- Прямо так и приучают? – ухмыльнулся Влад.

- «Не плач – мужчины не плачут, стыдно», «ты же мужик – мужик не должен бояться», «терпи, ты мужчина», «телячьи нежности для девчонок» и тому подобное. То есть, раз мальчик будущий мужчина, он должен уметь терпеть боль и разного рода лишения, никак при этом не выражая своих чувств. Знакомо?

- Ну-у... - уселся пациент удобнее, настроившись внимательно слушать.

- Знакомо. Так мы постепенно отвыкаем их проявлять – чистые, естественные. Страх дан, чтобы сохранить жизнь, в нем ничего постыдного, а слезы, чтобы снять эмоциональное напряжение. Почему мальчикам этого нельзя? Почему мы должны терпеть и прятать боль, если нам болит? Мы такие же люди, нам это дано! И вот мы уже стараемся не проявлять свои эмоции из разряда «неправильных», не мужских, со временем привыкая тормозить любые. В результате... - улыбнулся врач:

- Нам нравится девочка, а мы обижаем ее, больно дергаем за косички, бьем портфелем, говорим гадости... Оказать тот знак внимания, который хочется, неловко - засмеют такие, как и ты. Потом мы вырастем, становимся юношами и примеряем на себя роль защитника, добытчика – мужскую роль, которая требует принятия важных решений и где включение эмоциональной сферы будет только мешать. Скрывая «неправильные» чувства, со временем мы можем даже начать отрицать их. Упускаем. И даже если нет... взрослым уже, нам трудно конструктивно озвучить то, что чувствуем, а иногда и признать это даже для самих себя. Не хочу совсем уж обобщать... случается малая эмоциональность в силу характера, а еще мы можем

закрывать от какого-то человека сознательно, не желая впускать его в свой внутренний мир, - встал мужчина и неспешно прошелся по кабинету.

- Но даже имея чувства к женщине, часто мы *подсознательно* уже тормозим себя, оставаясь в образе «настоящего» мужчины – невозмутимого, слегка циничного, сдержанного. А-а... вот еще хороший пример - помните западные фильмы? Там без конца... мать провожает ребенка в школу – люблю тебя, расстаются на полчаса – люблю тебя, в конце телефонного разговора - люблю тебя, элементарная благодарность и опять... Меня бесило! - развел врач руками.

- Есть такое дело, - дрогнули губы Влада.

- Есть. А все почему? Мы воспринимаем это, как слабость. Или лицемерие. Не все, опять же, но основная масса «настоящих», правильно воспитанных русских мужиков... Алекситимия - психологический феномен и довольно распространенный... не только у нас – не подумайте. Пациенты испытывают трудности в выражении чувств и эмоций. Этот феномен может быть и устойчивой чертой личности, сложившейся в процессе воспитания и даже временной реакцией на стрессовую ситуацию.

- Болезнь чисто мужская? – уточнил Влад.

- Феномен. Недугом является врожденная форма, которая почти не лечится, но она редкость. А феномен да - встречается у мужчин раза в четыре чаще, чем у женщин... мальчиков принято воспитывать более мужественными.

- Считаете и я в этой когорте?

- Отдельные алекситимические черты имеет больше двадцати процентов населения и в основном это мужчины. Помните? Есть трудности в определении различий между чувствами и телесными ощущениями... с осознанием своих чувств и эмоций... с конструктивным выражением того, что чувствуешь.

- Однако ж... информация из разряда зашибись, - потер висок Влад, вглядываясь в лицо врача - он это серьезно?

Похоже - да. Удивил... И не только сейчас, если так уж... начистоту.. Ни с кем из самых близких друзей, когда отношения еще не были разрушены, он не стал бы и не смог серьезно говорить... о любви, например. Здесь же все получалось как-то само собой, запретных тем, казалось, вообще не существовало. Получается, те самые мосты доверия уже наведены? Похоже на то... «Псих» оказался умником с грамотно подвешенным языком. И человеком неплохим.

- Информация проверена. Так мы о нас, о мальчишках... разберем сам процесс, - продолжил тот, - в семье редко специально учат ребят распознавать, проговаривать и выражать свои эмоции. А потом на нас рушится пубертат, а с семнадцати и лет этак до двадцати – самый пик неудовлетворенной гормональной дури. Ну, вы должны быть в курсе. И мысли те самые, постоянные практически - кому вдуть... вот их стыдиться не стоило, они оправданы – это самое лучшее время для зачатия наследников, самое здоровое. Правда оно не стыкуется с современной действительностью – ребята, да и девочки тоже, очень поздно взрослеют личностно, непростительно поздно. Индифферентность, инфантильность – почти повальная зараза, но это я отвлекся...

- Здесь я полностью согласен, - поспешил Влад.

- Так вещь общеизвестная. Я не о том... секс! Яростная потребность организма, связанная с мощным гормональным всплеском тоже давно объяснена и понятна. Он же является закономерным составляющим любви, но опять же... более понятен мужчине, что ли? Любовь – что-то неопределенное и не всегда благополучное, секс – материален, приятен и проще для понимания.

- Да уж, намного проще, – улыбался Влад. Уже почти свободно.

Врач отвел взгляд, боясь спугнуть момент. Он знал, что пациент дисциплинированно берет курс массажа, а впереди еще иглоукалывание.

- Да. Мы мыслим иначе, чем женщины – логичнее, рациональнее. А что может быть рациональнее прямой линии? Самый прямой путь – это очень по-мужски, по логике он и самый быстрый.

- Согласен.

- Конечно. Но мужское рацию не означает, что неудобные и условно «запретные» чувства нам недоступны. Еще как доступны! Когда, сдерживаемые и подавляемые до этого, они прорываются, мы и совершаем... чаще откровенную хрень, к сожалению, потому что в нас по инерции преобладают «мужские» установки, а это сами понимаете - авторитарность, агрессия, и *самый прямой и быстрый* путь решения вопроса – грубостью или силой.

Влад молчал. Потом кивнул. Михаил кивнул в ответ. Они еще помолчали. Потом психолог вздохнул и продолжил тише и мягче:

- Если бы существовало четкое понимание причин эмоциональной закрытости, в отношениях было бы меньше конфликтов. И говоря о сфере эмоций, стоит отметить, что это все-таки женская территория. Мы сурово молчим, а для женщины знать, что она любима, быть уверенной в этом не просто приятно – для нее это топливо. Им нужна эта подпитка и не только видимая забота, но и ласковые слова, комплименты, раз уж они любят ушами. Получается – мы недодаем топлива, потому что не приучены, не видим необходимости, ну и их отдача соответственно все меньше... Теплые раньше отношения в семье скатываются в рутину. Но это я опять отвлекся, сегодня мы не о девочках, а о мужской эмоциональной «тупости», а еще - скудословии... Но, наверное, это не об адвокатских? – улыбался он, - тогда не принимайте на свой счет.

- Н-да...? - подхватился вдруг с места и отошел к плачущему дождем окну Влад: - А не мешало бы. Когда еще была возможность что-то исправить, со словами стало как раз-таки скудно. Тогда я вообще всё делал как-то... мимо мозга. И вы правы - нас учили юридической риторике с использованием методов и процедур логики. В принципе язык у меня работает, мозги тоже, но нужно было оправдаться, а чем?! Если я такого плана хрень сотворил... повел себя, как редкий дебил. Злился, бесился, да просто отчаялся! – дернул он головой, будто отрицая:

- И спонтанно, после очередной бессонной ночи, буквально пара секунд... пришло в голову и я это сделал. Переклинило жестко! Сорвало на хрен защиту с мозга! Но это не оправдание, это из той обоймы, когда понять может и получится, а вот простить – уже сильно вряд ли. Так что... теплые слова для Маринки у меня были всегда. Правда больше шуточки, с юмором – легко все было... легко и приятно мы жили. А когда нужно было спастись... словами – как отрезало блядь! Мычал что-то... такие вещи не прощаемы в принципе! О чем и как тут говорить?

- А сейчас что вы чувствуете? Кроме своей вины, о ней потом. Не задумывайтесь, не копайтесь в себе – говорите как есть, Влад, что в голову придет.

- А не отпускает, – признался тот, тяжело опускаясь в кресло: - Отпустить и забыть не получается. Думаю о ней. Часто, очень, почти постоянно, если на что-то не отвлекаюсь. Вспоминаю, клянусь себя, ей оправдания ишу... давно уже нашел – буквально всему, из-за чего бесился. Еще нашел способ быть максимально близко – через тещу. С тещей мне капитально повезло... вот такого разговора у нас не было, но чувство – все она понимает. Только там я и дома... только там что-то еще значу, кому-то нужен. Узнаю от нее о Маринке – крохи. Сажу иногда в ее комнате, пару раз даже оставался на ночь – мама Рита... теща поняла, наверное, что совсем плохо... Нет, не из-за Марины! Там комплексно... Что еще? Смотрю новые фото Маришки. Она далеко сейчас. Хотел к ней сорваться, но тогда Рита... теща, сказала, что у нее другой мужчина.

- Это как-то меняет ваше к ней отношение?

- Никак не меняет! Мне тут тоже советовали... и правильно, наверное. Но я знаю, что все будет зря. Может когда переболею Мариной – потом? Да просто сейчас не до того, тут бы в норму прийти – даже к вам вот заглянул... Слушайте, док, – напряженно сдвинул брови Влад, – а как-то исправить ситуацию с этими... запретами на открытость чувств?

- Ну, прямых-то запретов нет? Отношение к женщине, к примеру, формируется в основном в семье и многое здесь зависит от отца. Но он тоже... стыдится, как правило, красиво проявлять нежные чувства, а уж свободно говорить о них даже в зрелом возрасте для многих смерти подобно. Ну не принято это у нас! В основном не принято, – пожал плечами врач.

- Опять же – мужчины рациональны с детства и чтобы во что-то поверить, мальчику нужно видеть. А как увидеть любовь? Взрослые прячутся от детей со своими нежностями, стесняются их. В песенных текстах сила чувств, как правило, утрирована и теми, кто еще не испытал их, воспринимается как «розовые сопли». Хороших фильмов о любви единицы, да и не смотрят их дети. Родитель иногда пытается что-то объяснить сыну, но если тот с малолетства не привык с любой проблемой идти к отцу, то слова проходят мимо ушей – подростки-мальчики почти всегда держат броню и дистанцию от взрослых. Но это уже возрастная психология, мы слишком глубоко копаем. А на деле и у взрослых типаж такого... сурового челябинского мужика как правило вызывает больше симпатии, чем галантного интеллигента. Время сейчас такое... неромантическое, а где-то даже до безобразия примитивное, соответственно и герои его тоже.

- Хреновато звучит, вам самому не кажется? - подвел итог Влад.

- Ну почему? Просто нужно знать откуда у любой причины растут ноги. Тогда еще один кирпичик в нашем сознании ляжет ровно. И если поймешь, что существует общая тенденция, а не только твоя тут вина... должно стать чуть легче, правда? Сюда легко припрячь Фрейда – все проблемы приходят к нам из детства, но я не стал бы обобщать - просто очень многие. Не так все хреново - нет. И не безнадежно. Никто не мешает нам целовать руки любимым женщинам, дарить цветы, обнимать их и говорить ласковые и благодарные слова при детях. Есть семьи, где это норма, их не так и мало. И даже не важно, как мы назовем для себя чувство, если оно правильно прореагировано... и выражается вот так. Чтобы изменить что-то глобально, всегда лучше начинать с малого. С самого себя, со своей семьи, своих детей...

Влад слушал его, отвечал потом еще на какие-то вопросы. И успевал думать о том, что некоторые вещи сегодня не то, чтобы открыл для себя с нуля, но точно взглянул на них под каким-то новым и очень правильным, по ощущениям, углом.

И то ли казалось... но будто и правда стало чуть спокойнее. Будто и правда где-то в голове более уютно улегся один из его больных кирпичиков.

Глава 11

Похороны помнились плохо. Все шло само собой, плыло так... будто мимо сознания. Может потому, что все это время я была безумно занята - до того времени буквально, когда вернулась обратно в квартиру. Прощаться, на отпевание и на кладбище пришлось очень много народу...

Когда у мамы случилась первая, а потом и вторая операция, в нашу дверь часто тихонько стучали или громко звонили – кто предлагал деньги, пускай и немного, кто помощь физическую, кто шел с гостинцами, небольшими подарками. Случилась даже новомодная мочалка – сетчатой тряпочкой, желтая, от какой-то из подъездных бабушек. Домашняя выпечка, конфеты, нежно любимые Ритой фиалки в горшочках... Маму любили и помнили на работе (вначале она преподавала в гимназии, позже, когда уже болела, работала там завхозом), знали и ценили мои друзья и соседи. И Слав будто был на кладбище – Валя, наверное, постаралась, я о нем даже не вспомнила.

Я вообще мало кого там видела. Здравовалась правда, что-то отвечала, но с кем именно, что... потом было не вспомнить. И вокруг некогда смотреть - я смотрела на нее, стараясь запомнить и насмотреться напоследок. Да и вообще... вся была в суете и хлопотах: поправить подушечку под ее головой, волосы, проверить на месте ли крестик, отследить прогоревшие свечи на отпевании. И чтобы полосочка бумаги с молитвой не улетела с ее лба, равномерно лег потом песок... аккуратно выравнен был холмик. А еще цветы - их клали не так. Нужно было ровненько. Руки тряслись...

Кто-то сунул мне рюмку с холодной водкой – конец сентября, порядком похолодало уже. Прямо там и сунул - у ямы, которую быстро забрасывали рабочие. Осторожно, чтобы не расплескать, я донесла емкость до рта и хлопнула без разговоров, только тогда и поняв, что именно пью. Закусила предложенной конфетой, разжевала потом дольку яблока. Жизнь будто остановилась, застыла, а я завязла в глубоком, тягучем болоте. Жевала бездумно - как корова сено, смотрела и не верила, что все на самом деле, слишком как-то обыденно, материально что ли все было – челюсти двигаются, шелестят лопаты по песку, тихие голоса, сырой ветер, не очень приятная после приторной конфеты кислотность яблока... Алкоголь упал в пустой желудок и исчез там, как капля в море.

- Пасиб... - икнулось голодно.

- За Царствие небесное для нашей Маргариты, - отозвалась сбоку тетя, - счастливая – отмучилась уже, а нам еще положено впереди, - вздохнула. А я засмотрелась на нее. Больные от слез глаза видели, как в тумане и тем сильнее казалось сходство между сестрами.

- Да... за царствие. Как вы на маму похожи!

А мама не похожа... Губы подернуты синевой, кожа желтая и холодная такая... молчит... Заскулило опять внутри, заныло.

- Чшшш... - Валя обняла за плечи, - Катерина, вы что-то еще сказать хотели?

- А... да! Мариш, у меня там Майка после мастита с двумя колготится. Не обидишься, если я с кладбища сразу на электричку?

- Ну что вы, тетечка. Целуйте ее за меня, давно мы... И спасибо вам! Спасибо, что с мамой тогда... - куснула в очередной раз совесть.

- Ой, да я свободна тогда была! Никому можно сказать и не нужна, кроме нее. Не бери в голову, когда за мной вот так поплачешь – должок и зачтется... - аккуратно промокнула она красные, с отечными веками глаза. Высморкалась.

Тетя, да и мама тоже относились к смерти как-то обыденно, что ли? К своей, понятно... И от того, что она сейчас не страдала напоказ, хотя и сильно горевала по Рите, мне становилось чуть легче. Правда ведь – все там будем, может действительно встретимся.

На поминках в кафе я слушала добрые слова и будто не слышала их – и так знала, что жизнь у мамы Риты (так многие звали ее) была нелегкой, что дочь она вырастила хорошую. Да, не самую плохую, между прочим, а для нее так вообще лучшую – что бы ни натворила, в какое бы говнище от большого ума ни влезла. Всё это – приглушенные голоса, их смысл и принадлежность, доносилось до меня слабо, будто из иного пространства.

Когда все закончилось, я вызвала такси и попросила ребят не провожать. Если бы кто спросил, как я добралась домой, тоже не услышал бы ничего вразумительного. Потому что, как под наркозом, без мыслей... вначале мелькнула правда одна - нагряться к Ксюше. Беременным вроде нельзя на кладбище и Алеша оставил ее с детьми в городской квартире. Возле нее и ее выводка я точно отвлеклась бы и, наверное, стало бы легче, даже если только на самую чуточку. Но стоит ли напрягать и так занятого человека ради этой самой чуточки?

Выглядела я, наверное, более-менее адекватно, чувствовала себя тоже... разве что голова болела, но это ожидаемо - от слез. И меня оставили в покое. Я и правда хотела одна, в тишине пустой квартиры, в привычной, тысячу раз виденной обстановке – темноватой, дешевой, практичной, немаркой... сделать то, о чем мечтала все эти годы. Все пятнадцать гребанных лет, пока мама медленно катилась в пропасть, отслеживая и продолжая любить отца.

Я ведь как-то звонила ему - после аварии. В не совсем адекватном состоянии, понятное дело. Впрочем... как и сейчас.

Номер я набрала с маминого телефона и терпеливо слушала гудки, понимая, что жизнь течет так, как нужно ей, а не нам. И предугадать или просчитать ее практически невозможно. Но не сейчас! Сейчас я уверена была, я знала. Я чувствовала, что дозвонюсь!

И да – чуть хрипловатый мужской голос тихо и спокойно, мать его, ответил:

- Слушаю.

- Ага... слушай! – радостно оскалилась я, - и не вздумай бросить трубку, *папочка*... Потому что Риты больше - нет! Когда ты бросил нас, на нервной почве развился сахарный диабет. Потом ей отняли ноги. А до того... я попала в аварию - изуродовано лицо, и я тебе звонила. Но ты не перезвонил, с-с-с... – скрипнули зубы и я зависла на секунды... Нужно собраться, раз уж процесс пошел, и озвучить то, ради чего, собственно... и верно сформулировать, выдать самый смысл – нас же учили грамотному, сухому юридическому языку. Но мысли мешались в голове, путались. Слишком долго я тянула и собиралась, слишком много чего у меня было сказать.

- А-а-а... второй раз - из-за Риты и... трубку взяла твоя баба! Но это я так сейчас - отступление... Обошлись! А муж оказался, как и ты – гулящим мудаком! Но и это – так... я, собственно... Я ненавижу тебя даже больше, чем его и себя тоже! Потому что струсил, сбежала, оставила ее на год, потому что убила своего ребенка, потому что ты – тварь! Понятно - тебе по хрен... но для меня ты тварь последняя, мерзота и грязь! И все. Это все, что хотела, – рухнула я в кресло и отключилась от связи слабыми, непослушными пальцами.

И от мира похоже – вяло нарастало недоумение... потому что он шел рябью перед открытыми глазами, а потом и вовсе исчез, как и всякие звуки. Уши медленно закладывало еще во время моего монолога, мягко шумело в них. А центр слуха будто куда-то сдвигался, перемещаясь выше, на виски, а потом совсем пропал.

Может мне даже отвечали, может он даже что-то говорил. Хотя вряд ли. Да и цели такой не стояло – разговор. Высказать – да...

Последней внятной мыслью было – хорошо, что сижу...

Глава 12 Чувство вины.

- Я не агитирую против чувства вины. С чего вы взяли? Разберемся вначале в ее природе... Существуют моральные стандарты и нормы поведения, принятые на данный момент в обществе. Соблюдая их, мы чувствуем себя принятыми этим обществом... хорошими себя чувствуем и правильными. А появление вины, это сообщение нам, что поступок неверен, что нужно что-то менять в себе. Получается, вина является одним из регуляторов нашего поведения и даже полезна, поддерживая ответственность и препятствуя эгоистичному поведению.

- Вот только возникает она, когда планка ответственности *уже* упала и поведение *уже* можно назвать эгоистичным, - зачем-то не согласился Влад. Дискуссионный формат предлагался? И неважно уже, что именно отстаивая – свою правду или чью-то логику... но ему хотелось этой дискуссии, хотелось азартно спорить.

- Люди постоянно совершают ошибки – в правописании, судебных, навигационные, врачебные, технические, политические... Промахи в личной и профессиональной деятельности, катастрофические и малосущественные...

- А если дальше следует наказание равнозначно содеянному?

- Только не нужно о наказании – мало вы себя жрали?! – возмутился доктор, - здесь суда не будет, я работаю адвокатом вашей совести... лечащим адвокатом, а не тупо отмазывающим, простите уж за шпильку. А вина полезна и для самоощущения в том числе. Она подразумевает наличие личных правил морали и нравственности. Это воспитание, семья - люди, склонные к чувствованию вины, чаще вырастают в окружении, ориентированном на моральные нормы.

- Так глядишь стану гордиться... - проворчал Влад.

- Ну, что касемо причины наших встреч, то здесь нам с вами гордиться пока нечем. А вину, кстати, прямо отождествляют с совестью, которая нужна, согласитесь.

- Соглашусь, - мирно кивнул Влад, - я жру ее полной ложкой и жив, как видите.

- А мы пока не о вас, Влад, а о самой природе вины.

Градус напряженности слегка упал. Этот спец рвал напрочь все его представления о мозгопателях. Нет, рядом с ним Влад чувствовал и доверие, и безопасность - все, как положено. С главными принципами работы и даже «Этическим кодексом психолога» он ознакомился еще когда только решался обратиться за помощью. Трудно решался.

Этот же, как и обещал вначале, оказался настоящим мозгоклювом. И все равно Влад будто подсел на него или на все сразу – их разговоры, больше похожие на лекции, стерильную чистоту небольшого кабинета, уют мягкого кресла... В разговорах с доком чувствовал себя степенным, респектабельным и даже солидным. Старше, разумнее. Иногда - стариком. Странно чувствовал – иначе. И комфортно в то же время. Мысленно усмехнулся – на крайняк даже мат разрешен. Ну спасибо, док. Человечище!

- ...но вина, как и всё в принципе, должна иметь пределы. А если вашу оценить по измерительной шкале?

- Максимальна, док, - признался ровно, - я же угробил не только свою жизнь. С этим еще как-то мог бы...

- Скажем так... до этого я *максимально* подробно втирал тему с целью быть *максимально* убедительным. Давайте проще - народная мудрость гласит, что жизнь учит... Вы осознали и больше не совершите подобной глупости – в этом польза. Теперь нужно минимизировать ущерб. Все гениальное просто: ошибся, понял это, почувствовав вину... исправил.

- Чего проще-то? Взял и исправил, – прозвучало как-то... безнадежно.

- А что было предпринято в этом направлении?

- А нихерас, к сожалению, - пришлось признать, - я объяснял уже – тупо не было слов! Нет, слова-то есть, нет убедительных оправданий, чтобы облечь их в слова.

- А не нужно пытаться решать вопросы все сразу и глобально. Это редко результативно. Вначале нужно ставить короткие цели. Домашнее задание для вас: составить развернутый список того, что вы хотите сказать своей женщине. Пунктами пожалуйста и учитывая степень важности, то есть: жизненно важная тема, очень важная, просто важная... и дальше по нисходящей. Хорошо бы – краткие... или пускай даже объемные тезисы, если будет желание и время. Чтобы не упустить мысль.

- Вы забыли похоже – она уже не моя женщина.

- Я ничего не забыл. Вы сказали: то, что у нее сейчас другой мужчина, ничего для вас не меняет.

- Меняет для нее? – прозвучало с иронией.

- Тогда она изначально не была предназначена только вам. Тогда будем работать над другой ошибкой сознания – вы выбрали не ту женщину и значит все совершенное вами не настолько страшно. Мы разберем каждый ваш шаг и каждому найдем разумное объяснение, подвинем вашу вину или даже полностью снимем ее. Но почему она есть сейчас? Почему вопит ваша совесть?

- Потому что дурак, – вырвалось с досадой.

- Наоборот. Это говорит о том, что вы небезнадежны. Вы с умом выбрали свою женщину. Она выбрала вас. Возможно, сейчас она использует того мужчину, как лекарство от ран, которые вы по ошибке нанесли ей, а значит ему можно только посочувствовать. Но возможно это лечение перерастет во что-то большее. А значит она излечится от разочарования и боли и станет счастлива. Вам станет легче, если она будет счастлива?

- А бывает и так, значит? – изумился Влад, - я узнал о нем – дышать забыл!

- Помните? Настоящая любовь не эгоистична. Возможно вы научитесь жить с этим и даже радоваться за Марину. Часть вины уйдет. Вы станете способны взглянуть вокруг... «Время все сжирает» - я все помню, не переживайте. Сейчас же, когда вина еще существует, я предлагаю извлечь из нее максимум пользы, минимизировав ее, убрав липучие иррациональные излишки и оставив только рациональную, здоровую, полезную эмоцию. Вы же превратили ее в обращенную на себя агрессию - ретрофлексию. Но мы уже идентифицировали вину, как проблему вашей совести. Так пора решать ее! В том, что касается «эпизодов с телкой», мне все ясно, а вам?

- Я тупо действовал по привычной схеме...

- Шли по самому короткому - прямому пути, что свойственно большинству мужчин. Действовали рационально, но непродуманно.

- Я должен был сразу обратиться к вам... или кому там? Как вот сейчас, - признал пациент.

- Да, верно. Но это в теории, а на практике... Вы не представляете, насколько востребована психологическая помощь на Западе. В Америке каждый уважающий себя член общества пользуется услугами собственного психоаналитика. В нашей стране ситуация прямо противоположна. Не будем углубляться в причины, но это общая тенденция и вы, как член общества, поддерживали ее - присущую русской ментальности и историческому опыту. Но отношение к психологической помощи потихоньку меняется и у нас тоже. И вы тоже достаточно гармонично меняетесь, оставаясь частью общества, но уже обратившись за помощью более прогрессивной, чем дружеские советы или алкоголь. Всему свое время. Пониманию и принятию того, что является лучшим для вас - тоже. Давайте теперь о вашем поступке, который, как вы считаете, спровоцировал аварию и ее последствия.

- Я специально, - медленно начал Влад, - на глазах у своей жены...

- Бывшей, насколько я помню хронологию событий.

- Какая разница?! Это ничего не меняет.

- В вашем сознании, а по факту вы уже были свободным от семейных обязательств человеком. И эта свобода была вам навязана.

- Я мстил так! Позвал ее с документами, чтобы она увидела.

- Вы хотели доставить ей настолько же сильную боль, как доставила вам она?

- Да! Отлично вы все понимаете! – злился Влад.

- Это несложно, – пожал врач плечами, – но потом вы нашли оправдание ее поступкам, которые принесли вам боль и от этого ваша вина возросла, превратившись в нездоровую ретрофлексию. Хотите? Мы сейчас разберем на молекулы ваш поступок, объясним его гормональную природу, разберем само понятие «мечь», как способ освободить душу от гнета негативных эмоций. Угнетатель принес вред, боль, заставил испытывать обиду, которая погружает в отчаяние. Душевная рана перерастает в сильную обиду, человек погружается в ненависть...

- Вот тут все... вот так, – скомкал Влад рубашку в области сердца, – и долго, слишком. Все слишком... затянулось! Я дышал иногда и то осторожно... прислушиваясь к телу.

- Мы тоже умеем сильно чувствовать. Прячем, подавляем... а выливается потом в мало чего хорошего. Давайте разберем поступки вашей жены и поймем, насколько справедливо вы ее оправдали, что двигало ею в разное время и почему вы восприняли ее действия, как повод для мести.

- Что двигало – дураку понятно, – мотнул головой Влад.

- Да, действительно... стоит только мысленно поставить себя на ее место. Но ее причины стали понятны вам со временем, когда стало уже поздно. В ком вначале будем разбираться – в ней или в вас?

- Не надо ничего... разбираться. Не сейчас, мне нужно подумать самому, – шевельнулся Влад, – хотелось бы.

- Хорошо... Поговорим об этом в следующий раз, – врач достал из стола облатку, вынул из нее и проглотил таблетку.

- Нервная мля... работа у вас, – виновато заключил пациент, незаметно вытирая влажные ладони о штанины.

- Не «нервнее» вашей, – донеслось сварливо в ответ, – они даже чем-то схожи – есть возможность учиться на ошибках других людей. Опыт, получить который ничего не стоит.

- Кроме нервов, – хмыкнул Влад.

- Я люблю свою работу.

- Завидую тогда... по-хорошему, кстати. А я уже даже не знаю...

Глава 13

М-да, вот это пробуждение... В голове масса вопросов.

Попискивал сбоку какой-то прибор, побаливало место на сгибе локтя. Не вставая, я осмотрелась - палата была одноместной и скорее всего дорогой, платной. Наблюдались кондиционер и телевизор, и даже крохотный холодильник в углу. Стойку для капельницы не укатали, она так и стояла возле кровати. Наверное, еще будут что-то вливать – в вене на сгибе локтя остался залепленный пластырем катетер. На висках – датчики. Как тогда...

Значит причина еще оттуда – сотрясение. И что опять? Нет, меня предупреждали о последствиях, потому что... потому. Сейчас я знала все о том, как устроен наш мозг – чтобы обезопасить самую важную часть человеческого тела, природа создала целых три оболочки. И одна из них – жидкая. Для амортизации в таких вот случаях, наверное.

И хотя сила удара может быть разной, в любом случае действует такое физическое явление, как инерция. И от серьезных последствий при сильном ударе не спасает даже тройная оболочка, потому что мозг со всей дури впечатывается в кости черепа, а это как раз штука крепкая. И вот такой тупой удар... по площадям, скажем так – он оглушает порой до комы, что и случилось. Что-то потом рассосалось, что-то восстановилось, а что-то осталось со следами травм. И чем могло грозить в будущем, неизвестно – каждый случай индивидуален. Но что ничем хорошим, понятно. Так что придется выяснять – что на этот раз? Хорошо одно – теперь от состояния моего здоровья никто не зависит. Теперь не страшно, случись даже самое страшное. Каламбурчик, однако...

И кто постарался с моим спасением – Валя, Ксюша? Я машинально разгладила складочки веселого – в голубых колокольчиках, пододеяльника и легла удобнее, согнув ноги в коленях. Задумалась. Только у моих подруг были ключи от квартиры. А больница совсем рядом – пара кварталов буквально.

Я помнила и похороны, и поминки, и свой позорный срыв, но чувствовала себя на удивление спокойно. Медикаментозная тому причина или естественная – неважно, но мыслила я ясно. И еще странное – казалось будто со времени похорон прошло уже порядочно времени. А еще - что я резко перешагнула очередной возрастной рубеж. Вывалила остатки детства, юности и ранней молодости – не самые лучшие, шлак... на отца и успокоилась, уже по-взрослому приняв то, что случилось. И с мамой, и с ним тоже.

Сказать, что мне сильно не хватало его, означало бы соврать. Я была достаточно взрослой, когда он ушел – уже исполнилось четырнадцать. Но благодаря этой взрослости и понимала многое. В частности то, что ушел он не потому, что я плохая – психологической травмы такого плана я не получила. Всегда знала свое место. Когда мне неоднозначно на него указали, я была еще совсем маленькой и реагировала на инстинктах, точно не в результате размышлений и выводов.

В нашей семье был он – отец и муж. Достаточно долго. И он не любил ни меня, ни маму. Не обижал, не обделял деньгами и холодным вниманием, но точно – не любил. Это и чувствовалось, и зналось. Вот мама любила его – это да. Я к нему относилась зеркально, как он ко мне. С раннего детства знала – нежности и приставания ради того, чтобы выпросить нежность ответную, его раздражают. Нет, он был сдержан, не ругал меня и грубо не отталкивал, но демонстративно отстранял – по-разному. Дети хорошо чувствуют такое, а еще быстро учатся.

Мне отец не был нужен, разве что в финансовом отношении, но его любила мама. А он оформил развод и через месяц женился. Исправно платил алименты до окончания мною университета, но мы ни разу больше не виделись. Ну что тут скажешь?

Сейчас стыдно за свои вопли и ругань вообще не было. Настолько больно из-за ухода мамы, как раньше – тоже. То, что держало последнее время в тревоге и постоянном напряже-

нии, постепенно отступило, как оседающий тяжелыми каплями туман. И будто за ним уже что-то виднелось, только неясно пока какого плана. Решать мне.

Рита предупреждала, чтобы я не смела чувствовать вину за то, что с ее уходом, кроме чувства потери, придет еще и облегчение.

- Когда умер твой дед, так и было. Папа больше не страдал и не мучился, а мы не смотрели на это. Понимаешь в чем тут зерно? Пытка собственным бессилием осталась позади. Так что и ты потом дурью не майся... А мне уже будет все равно.

Рита оказывалась права всегда. Но кто бы вот так сразу взял, да и прислушался, сходу признавая это? Оно понимается потом, со временем.

А я смирилась, похоже... Это мы с ней тоже обсуждали - философию жизни и смерти. Есть разумная закономерность в том, что дети провожают родителей, сменяя их в этой реальности, принимая эстафету и ответственность. И это нормально. Рационально. Более милосердно, чем наоборот. Правильно. Естественно. Мама готовила меня, хотела, чтобы я жила дальше и неплохо жила. Мы с ней вообще много говорили последнее время – сразу всё и не вспомнить. Значит, буду вспоминать по чуть-чуть, по поводу. Или без повода – под настроение.

Проснувшись опять ближе к вечеру, нажала кнопку вызова персонала – ужасно хотелось в туалет, а можно ли мне вставать, я не знала, хотя пиликающий прибор был уже отключен, а датчики сняты. Да и пора было узнать причину всего этого шухера. Если действительно проблемы с головой, это плохо. Все-таки пожить и полноценно при этом еще хотелось.

Медсестра приветливо улыбалась и свято хранила врачебную тайну – причину моего же состояния, мягко отсылая к лечащему. А он будет только завтра. Вставать мне разрешалось, но все-таки лучше лежать. Почему – неизвестно, а знать было нужно. Мой мобильный заботливо положили на тумбочку у изголовья кровати. Тревожить беременную Ксюшу я не стала, а вот Валю...

- Выспалась? Хорошо, - сразу же услышала я резковатый, уверенный голос. Валентина всегда говорила четкими, отрывистыми фразами.

- Выспалась... это ты меня спасла?

- Ну... можно сказать и так, - шумела там у нее кухонная вытяжка и стучал по разделочной доске нож. Она даже на собственной кухне в телефонной гарнитуре?

- А не знаешь, что мне шьют? - осторожно выясняла я, - а то – капельница... вставать с осторожностью. Эхо аварии?

- Ты лежишь? Вот и лежи до завтра. Заскочу, ты мне и расскажешь, что там с тобой. Пока только знаю, что все это время ты спала. А сказали бы что там у тебя мне – посторонней, по факту, тетке, я первая их и засудила бы. Так что потерпи... обход же обычно с утра? Потом оформим доверенность на меня на представление физического лица – по факту ты одинока и случись что действительно серьезное, то сама понимаешь... А сейчас нервы и переутомление, я думаю. Ты как?

- Выспалась... Ты все-таки поехала за мной с поминок?

- Слушай... - помолчав, предложила она: - Что за разговоры по телефону? Думаю, тебя завтра выпишут, поедем ко мне... там посмотрим – домой или на работу.

- Нет, туда я точно не хочу.

- Не хочешь по какой причине? В любом случае зря - он уже полтора года не работает с нами, сейчас юрисконсульт в крупной компании.

- Он же «уголовник»? – удивилась я.

- Нет, Марина, твой бывший хоть и говнюк, но достаточно грамотный юрист. Ты принципиально не интересовалась, потому и не знала новостей. А я не лезла с ними.

- Да там и кроме... - осторожно кашлянула я.

- А Таисию я лично уволила практически сразу же и с говенной характеристикой, как безответственного, морально неустойчивого работника. Все честно, совесть не мучает. Так что

до встречи... я обед завтра готовлю, а еще уроки проверять - на доверии у нас с наследником не получается. Поговорим потом не на бегу. Все, отдыхай!

А утром на обходе как-то так... всплыла вдруг новость, которая, я считала, должна бы сопровождаться салютом и прочими фейерверками. Или как-то иначе, но точно не так... Потому что очень просто, спокойно и даже обыденно мне объяснили, что, судя по анализу крови, я, скорее всего, беременна.

Глава 14 Год и десять месяцев назад Ревность

С прошлой недели в город вошла зима, немного поздно правда – к концу декабря. Снег лег на сырую, не промороженную землю, что обещало слякотные Новогодние праздники. Но сейчас еще гулял слабый морозец, радовал снег. Что сказал бы на это Михаил, любопытно? Настроение не зависит от биоритмов... а от состоявшейся наконец сезонности?

Влад шел на встречу с настроением. Называть «психом» человека, которого уважаешь, даже в мыслях уже было неловко, поэтому он вспоминал психотерапевта, как Михаила. Они встречались уже два месяца, последнее время пару раз в неделю. Нормализовался сон, появился аппетит, еще правда сопротивлялись массажу и прочей акупунктуре жевательные мышцы, но потихоньку сдавались – он чувствовал это и видел, упражняясь перед зеркалом. И сложный процесс, к которому он готовился несколько месяцев, дался на удивление малой кровью... Сдвиг состояния в лучшую сторону точно был.

Но в этот раз что-то у них с лечащим пошло не так...

Речь зашла о ревности. С ней все было не так, это и был тот третий вопрос, с ответом на который они тянули, откладывая обсуждение. Влад откладывал. Хотел догнать сам. Теперь он немного понимал, как это работает и в свободное время штудировал психологическую литературу, много думал, прислушиваясь к себе. Хотелось если не на равных с доком, то хотя бы быть в теме. И все равно не понимал – насколько нормально, что он так легко принял то, что у Марины теперь другой?

Не совсем, правда – когда понял, что именно сказала Рита, резко потяжелело в районе сердца и как гири буквально, опустились руки. Это космическое комбо сопровождалось еще и страхом непонятного происхождения. Рюмка коньяка, которую теща налила к борщу, с чего-то вдруг попросив составить ей компанию, дала возможность глубоко и часто подышать сквозь зубы. Закашлялся, посидел... так и перетерпел незаметно – и тяжесть в груди, и противный холодный пот.

Но и физическая слабость неясной природы, и комплексно гадкое состояние – это было, а вот главной реакции в его понимании – злобы звериной и желания убивать, не случилось. Не способен оказался ни любить по-человечески, ни ревновать нормально... какого хрена с ним вообще делалось?

Хлипкая, слабачья какая-то ревность рисовалась. Или вообще не она. А должна бы, если любишь, это всем известно. Так может и не любовь у него? Поганая штука, как оказалось... И захотелось вдруг, чтобы этот диагноз или приговор, который, потеряв уже Маринку, он безжалостно поставил сам себе, был отменен. Все-таки док неправ – важно, чем именно было и как называлось его чувство, потому что любовь вещь серьезная – так просто не отмахнешься. А если не она – тогда хоть какие-то перспективы... не так тухло все. Сам понимал, что мысли наивные, детские какие-то, но...

В тот раз что-то пошло не так – Влад резко возразил, Михаил не остался в долгу... И да – нежно он не делал. И даже терпение и такт не всегда демонстрировал. А может как раз такое «нещадящее» или даже нещадное отношение и притягивало, заставляя возвращаться опять и снова в выдраенный до скрипа кабинет и создавая иллюзию того, что они с доком как бы и на равных. Не врач и больной, а собеседники в клубе по интересам. Больным быть не хотелось. Причина в психике и это напрягало. Раньше – нет, сам решил, что не впаривает реальность и решился... А сейчас уже напрягало.

Мужчины какое-то время сверлили друг друга взглядами. Потом Михаил миролюбиво подтвердил:

- Именно. Давайте еще померимся... кто ревновал сильнее и чаще.

- Ну да... – пошел на попятную Влад, – прошу прощения, как-то упустил из виду.

- Что хавать эту дрянь не ваша прерогатива? – нейтрально поинтересовался доктор, - ладно - принято.

- У нас же дискуссионный формат? – напомни Влад, - а я не согласен...

- Но я не так категоричен, просто делюсь наблюдениями. И кстати - специалист, проработавший для себя ситуацию, с которой пришел к нему пациент, всегда успешнее в терапии.

Влад молча развел руками – не возражаю раз так.

- Вернемся к предмету? Я все-таки за то, что ревность не побочный эффект любви и существует отдельно, как проявление примитивного собственничества. Вы абсолютно правы в том, что общая тенденция именно такова: когда ревнует мужчина, он злится, уровень агрессии резко возрастает. В женской ревности больше обиды, жалости к себе и страха за будущее.

- Что и требовалось...

- Нет. Вы были эмоционально травмированы всем, что случилось до того. Травматическая ситуация продолжалась, никак не разрешаясь и засасывая вас в воронку... На агрессию – очень сильную эмоцию, не осталось сил. В вас до сих пор присутствует тревожность. Случилось событие, не получившее логического завершения, вы не прожили его развязку. Вовлечены были, но до конца не прошли. И чем важнее или трагичнее событие, тем круче масштаб реагирования. Подсознание пытается самостоятельно прокрутить ситуацию до конца. Отсюда тревожность и все из нее вытекающее.

- Событие... какое из них? Событий этих так-то... У меня процесс недавно был – мог и не выжить, причем в буквальном смысле. Зависело от результата. Не удивлюсь, если ночью орал и ботал по фене, – безнадежно заключил Влад и уточнил: - Нет, я не каждый раз работаю с уголовниками-рецидивистами...

- Ваша работа, это... сейчас я о другом - вам нужно было поговорить с Мариной. Даже если не мирно и не раз. Но выяснить и проговорить свои и ее претензии следовало. Она была инициатором развода и для нее все логично – она завершила отношения и идет дальше. Вы же не совсем согласны со справедливостью ее приговора, даже если оправдали его для себя. Всегда нужно проговаривать проблемы и не в уме, а через рот. Тогда их станет в разы меньше. Иногда это проблематично, согласен - заставить говорить себя, заставить слушать ее, держа в узде нервы. Или не позволяют обстоятельства, не хватает решимости или слов... Трудно. Но стоит того, потому что дальше все станет еще труднее, а главное намного дольше.

- Ну... я уже объяснил, как обстояло дело с разговорами. Сейчас сам понимаю, что донести нужно было любой ценой - письменно, в звукозаписи... И не стоило тогда уходить от психолога.

- Сами это понимаете. Вам обязательно посоветовали бы то же самое и настроили соответственно, потому что все слишком очевидно. Дальше копать в ревности будем?

- Любопытно... вернее – интересно, как объясните ее вы.

- Хорошо... Для мужчин ревность более тяжелое переживание, чем для женщин. Для нас это еще и позор. Поэтому в страхе уронить свою мужскую гордость мы не склонны делиться этим даже с друзьями и переживаем всю бурю эмоций внутри себя. Хотя выпустить негатив «через рот» означало бы снизить накал, а так... частенько дальше следует взрыв. Опасный для женщины или соперника. Вы не злились совсем?

- Не знаю... много думал об этом. Может боль отвлекла? В любом случае предъявлять у меня нет права. Но это сейчас - мысли, а тогда я просто сдох внутри, - вздохнул Влад, - поехали дальше?

- Ну-у, хорошо... у мужской и женской ревности разные истоки. Мужчине природой назначено быть главным. Когда подняли головы бабы? Десятилетия. А то, что мужская власть еще столетия назад выродилась в примитивное чувство собственности, в том числе и в отношении женщин, ни для кого не новость. Мы ревнивые собственники уже на генном уровне.

- А как лично вы относитесь к тому, что бабы «подняли головы»? – заинтересовался Влад, - или мне показалось? Тогда сказали бы – женщины... Кажется, я начинаю разбираться в психологических тонкостях. Ведь нет оговорок? Есть отношение?

- Я не шовинист, - поднял руки доктор, - но и не сторонник демократии в любом ее проявлении. Это неминуемый крах для любой системы - раньше или позже. Должен быть сильный лидер, отвечающий перед обществом и своей совестью за вверенную ему систему - авторитетное единоначалие. Это же касается и семьи. Равноправие для женщин, кстати, впервые объявили в стране Советов, но произошло это практически параллельно с лозунгами «каждая женщина – общее достояние», «долой невинность, долой семью, долой стыд»... Перекос морали достаточно быстро сошел на нет – за граница реагировала изумленно, но равноправие изначально в таком контексте... что хорошего в нем для женщин? За что им это? Да – вдобавок к домашним обязанностям они получили право на труд в мужских профессиях. А мужчины постепенно - частично или даже полностью, переложили обязанность содержать семью на женские плечи. Базовое чувство, заложенное в мужчину природой – доминантность, постепенно атрофируется. А почему нет, если баба впряглась и привычно тянет уже которое поколение? Причины того, что социальный институт семьи разваливается, как в неправильном распределении обязанностей внутри нее, так и *общем* управлении.

- Допустим. И хрен с ней – с демократией, – подытожил Влад, - я не согласен с вашим взглядом на работающих женщин. А если работа в кайф или – одинокая мать?

- Увлечение любимым делом в свободное от семьи время хороший способ психологической разгрузки, но приоритеты должны быть расставлены правильно. И вы же понимаете, что матери-одиночки, это уже производное? Часто женщины остаются одни после разводов – да. Но все зашло гораздо дальше - они сознательно уже рожают «для себя». А это от безысходности! Я не возьму с вас платы за этот прием, Влад, - выдохнул вдруг доктор.

- Мы отвлеклись, но на стоящую информацию, - качнул тот головой, отрицая: - И я хорошо вас понимаю. Продолжайте?

- Раз вы так считаете... - помолчав, продолжил врач, - вернемся к ревности? Так вот... мужчины переживают ее намного тяжелее и глубже, чем женщины. Наша сексуальность более уязвима и ранима, потому что ее проявление слишком наглядно. Вопрос собственной несостоятельности, как сексуального партнера, стоит в этом случае особенно остро. Но это не ваш случай, как и акт оскорбления.

- А вот здесь подробнее пожалуйста, - слегка завис пациент.

- Для мужчины измена - явная или мнимая, а именно она повод для ревности, оскорбительна вдвойне. Это женщина, якобы признавшая его недостаточно состоятельным сексуально и ее партнер – сознательно осквернивший «чужое» и бросивший этим негласный вызов, равнозначно ответить на который, кстати, в наше время очень проблематично. Дуэлей больше не существует, мордобой наказуем, да и недостаточно его для полного морального удовлетворения, а «аффект» попробуй потом докажи.

- Сапожник похож без сапог, док... – тихо подытожил Влад, - тема даже слишком вами «проработана». Или мне кажется?

- Врачи тоже болеют, что делать? - мирно согласился тот, - у вас есть хотя бы какие-то... слабенькие, но оправдания. У меня их нет. Совсем. Нет, я не изменял жене, просто глупо ошибся.

- Тот случай, когда выпить – хорошая мысль? – поступило задумчивое предложение.

- Нет. Я делаю это иначе.

- Поделитесь?

- Нет, вам этот способ не подойдет.

- Сегодня мы с вами «за упокой», а не «о здравии», - подвел итог пациент.

- Тема сама по себе неприятна. Но согласитесь - *яроствноревновать* в вашем случае не было причин. Ваше подсознание грамотно учло это и топлива на эмоции не выдало. Другое дело, если бы известие вообще не было отреагировано - никак, тогда стоило бить тревогу, но вы сказали – жало сердце... Чаю может? Тот самый улун, Влад, - прозвучало почти просьбой.

- А не откажусь, пожалуй, - сразу согласился тот.

- Смена деятельности полезна, - встал и направился к чайнику Михаил: - Это всегда работает – более или менее. Имейте в виду на будущее – резкая смена занятий, обстановки или темы неудобного разговора снимает негативное напряжение частично или даже полностью. В следующую нашу встречу спокойно разберем ваше состояние после гибели родителей. Сравнительно спокойно, потому что вы уже давно приняли это. Но механизм реагирования мне не совсем понятен. Те ситуации, с которыми вы боролись известным нам способом, выглядят, как взрывы на фоне общего благополучия, тянущегося годами. Это нетипично... должны быть еще причины. Перед выбросом всегда идет накопление напряжения, это общий закон. Ну вот... прошу вас... - протянул он чашку с тяжелыми, медленно оседающими на дно золотистыми чайниками.

- Подождем еще – они сейчас удобно улягутся и чуть расправятся... видите? Начинается. Сейчас уже... Извините – у меня нечего предложить к чаю. Я ценитель, вкус напитка ничем не разбавляю.

Мужчины еще минуту посидели молча, наблюдая, как чайники будто оживают, разглаживаясь морщинками... потом осторожно попробовали.

- И как он – ваш презент? – довольно улыбался доктор.

- Неожиданно. Обязательно поблагодарю товарища отдельно. Кажется, цветы...? Или нет – орехи! Орешки.

- Производитель заявляет то и другое. Я изучил его историю - «тегуаньинь», назван в честь богини-спасительницы. Выращивают его в провинции Фуцзянь, в высокогорной ее части и он что-то среднее между черным и зеленым чаем... А вы знаете, что есть чай буквально сапфирового цвета? Из цветов тайской орхидеи.

- Тогда не совсем и чай? Как мате или каркаде? - заявил себя в теме Влад.

- Да, верно - чайный напиток, тайский анчан...

Разговор окончательно свернул на чай, и Влад не был против того, чтобы встреча затянулась. Тем более, что по времени его прием... или сеанс...? Неважно. Но факт то, что он всегда был последним пациентом на этот день и они с доком закрывали кабинет и уходили вместе, наведавшись по пути в то самое кафе. И там тоже иногда засиживались, неспешно ужиная и беседуя на посторонние темы.

Ни стимула, ни причин спешить домой ни у одного из них не было, что и подтвердил сегодня Михаил. Обоих никто не ждал, готовя ужин, скучая и одним своим присутствием создавая тот самый уют, в котором так хотелось бы утонуть с головой.

Глава 15

Уточнять медицинские сроки я не стала - не имело особого значения. Я даже не до дня, а до часа знала дату зачатия.

- И замечательно, - довольно кивнула врач, - и очень хорошо, что вы оперируете точными сроками. Сейчас мы с вами сверим их с показаниями УЗИ. Вставайте, мамочка... пройдемте.

Чем-то она была похожа на меня – темненькая, среднего роста, худая. Типаж такой... чахлая дева. Я решила, что хороший знак.

При поступлении меня действительно в первую очередь проверили на последствия травмы головы. Валя сдала? И в связи с этой травмой рисовались сложности с беременностью, но только возможно, а вот с родами - однозначно. Мне настоятельно рекомендовали не затягивать с походом к гинекологу.

Информация о беременности полно дошла до ума не сразу – с этим было туго. Я слушала врача, отвечала на вопросы, делала, что велели. Но крохотная точка... и вторая рядом на мониторе... Наверное, каждому нужно свое время – больше его или меньше. И тут не в сообщительности дело, а в глубине того самого осознания. Я к такому раскладу не была готова совершенно, потому что время для зачатия было абсолютно неподходящим. А из-за маминого состояния и месячные последнее время не отслеживала.

А Барк... Если он существовал хотя бы в отдаленно похожем измерении... Тут странно бы - вспомни мы о безопасности. Но не вырубись тогда у обоих мозг, ничего и не случилось бы. Кое-как объяснив для себя сей феномен, я запретила себе ломать голову, пытаясь найти связь между своим издерганным состоянием, вспышкой ненависти и настолько ядовитой похотью. Слишком трудная это задача - не для меня и не сейчас.

Тут доказанное безусловно... и то принималось медленно - не сам факт беременности, а долгоиграющие последствия и перспективы. Потом уже, оставшись один на один со своей тупой головой, я осознала объемно, увидев заодно радугу перспективы...

Полный тридцать один год, подпорченная внешность и здоровье, любых отношений – ноль... А и на фиг теперь не нужно! Отдельным бонусом шло облегчение - прошлый аборт не сделал своего черного дела. Хотя и медикаментозный, на малых сроках, но я и опасалась, и переживала. И подсознательно ждала потом расплаты, хотя аргументы «за» казались железными, я принимала решение с холодной головой, и все-таки...

Говорят, что осознание может накатить даже спустя годы, а вот меня выморозило сразу - только очнулась после наркоза. С мамой я не советовалась, мама тогда лежала в больнице на сильнейших антибиотиках. Ее нельзя было расстраивать, да и уверена я была в своем решении на сто процентов. Но потом стало так плохо, что я ухватилась за соломинку...

Я не знаю чего ждала... чуда, наверное, а чего еще? Откуда его и ждать, если не от Бога?

При районной больнице имелась часовня и пару раз в неделю там служил священник. Он выслушал мой позорный лепет и грех отпустил, наказав читать ежедневно и до конца своих дней «Богородице дево, радуйся». Там же я купила открытку с этой молитвой и маленький буклет с пояснением самого смысла покаяния. Текст я внимательно изучила, согласилась, прониклась и вообще все делала так, как велели – согласно инструкции. Ну и ждала хоть какого-то облегчения, потому что раскаялась искренне и глубоко, как и требовалось при настоящем покаянии. Но через какое-то время опять пришла к батюшке, потому что легче не становилось ни на грамм. Стоило, образно выражаясь, отпустить поводья и мысли пускались вскачь, рисуя картины, от которых, казалось, замедлялся ток крови, потому что я начинала ужасно мерзнуть.

Священник тяжело вздохнул и выдал странное:

- Ты покалась? Покалась. Теперь просто не думай об этом.

Поразмыслив, я поняла, что таких – поздно одумавшихся, он видел сотни, если не тысячи. И может правда единственный выход – просто не думать.

Так что сейчас я уже была специалистом в том, чтобы «не думать». Прогнать всплывшую в сознании мысль, не углубляясь в нее, возможно. Я изучила методики на психологических сайтах и оставила для себя три из них, используя в зависимости от сложности ситуации – накрывало по-разному. Зависело от настроения, времени суток и еще кучи всего.

А теперь я, наверное, просто не верила, что меня уже простили. И так быстро? Тараша глаза на тени от прыгающих за окном веток, я вспоминала не биологического... Барк вообще не воспринимался причастным к событию. Виновным - да, но ни в коем случае не причастным.

Я думала о Сане – нашем с Ксюшей уральском соседе, инструкторе по экстремальному туризму, который так и остался на своем Урале. Саню, вернувшего мне веру в то, что не все пропало, что жизнь не катится к чертям, а продолжается, и даже вот такая - изуродованная, я могу нравиться мужчинам.

Саня никогда не узнает о том, что я сделала. Я сдохла бы сразу, узнай он, что был отцом так и не рожденного мною ребенка... или двух, потому что на самом раннем сроке вторую точку могли и не увидеть. Об этом я вообще боялась думать. Но особенность женщин в нашей семье вот такая – их почти всегда двое.

Даже у меня была сестра или брат... Гибель случилась задолго до срока жизнеспособности плода. Так бывает, и чаще всего, когда на двоих малышей одна плацента. Кровоток у них общий и конечно же смерть одного обязательно сказывается на состоянии второго. И дальше все зависит не только от сроков, но и как работают врачи.

Мне повезло, мою анемию вытянули, обошлось без осложнений.

Сейчас, наверное, есть способы и обнаружить угрозу вовремя, и предпринять более грамотные действия по спасению ребенка – все-таки прошло тридцать лет, а наука не стоит на месте. Главное, что я буду настороже и ведущий мою беременность врач тоже. А я обязательно выберу самого лучшего, самого грамотного.

Теперь нужно думать, где взять деньги. И на грамотное сопровождение, и на полезное питание, и на все остальное, что понадобится не сразу, но обязательно после рождения детей. Вот хоть няня, к примеру, хотя бы почасовая. Я не уверена, что справлюсь одна... Даже с тем, чтобы выйти в магазин, будут проблемы. А еще с детьми нужно гулять, купать их, кормить... да куча всего! Дело не в умении – благодаря Левушке я качественно подкована в этом плане. Но сразу двое? Когда разница хотя бы в год, и то все выглядит иначе, а здесь... одним занимаешься – второй орет. Или нет, но пока рисовалась вот такая картинка. Деньги нужны... цены сейчас конские и буквально на все.

Хотя я и не совсем на мели - все-таки трешка в центре. А нам с детьми хватит пока и одной комнаты... лет так на пять. Как раз столько и протянем на разнице. И где-нибудь на окраине, чтобы воздух чище и от Барка дальше. Я не боюсь этого человека, но не знаю на что он способен, вот что хреново. Нет, не отобрать детей - в сказки о внезапной отцовской любви я не верю. Им, через одного и свои не очень-то нужны. Но Валя круто его сделала, так что мне пока лучше не высовываться - во всех отношениях.

Так что Барк в качестве помощи (материальной) мною не рассматривался. Там семья, но и не только это: даже будь он холост... стоило просто представить, что придется заговорить с ним, и волосы вставали дыбом. Отторжение, неприязнь, стыд... На фиг, на фиг. О нем я думала только в связи с наследственностью, а она будто и ничего так – и внешность, и интеллект. Некоторые моменты, характеризующие его, упустим... - умничала я в тишине палаты. И постепенно это умничанье завело меня не туда, я допустила мысль...

«А если бы родились те дети от Сани? Маленькие богатыри со способностью не просто замечать, но и *видеть* цветы на высокогорных полянах?»

И – будто оцепенение, будто сжались и стали *уже* все вены, артерии и капилляры в теле. И молотком в голове - не думать, нельзя. И... поздно уже - защемило в глазах, закрутило в носу, пережало горло. Мамочка, помоги... меня же простили!

Но надежда только на себя – привычно, наработано: техника «пятидесяти вдохов». Вдох на 1,2, выдох на 3,4... Мысль гнать. Всплыла – начинай сначала. Я три раза сбрасывала счетчик, пока дошла до пятидесяти. А дальше пошли стихи, их я когда-то подбирала долго и кропотливо, Агния Барто подошла идеально - четкие, рубленые фразы уверенно теснили свои вольные мысли.

Круто в этот раз... промокнула я пододеяльником мокрое от слез лицо и пошла умыться и кое-что простирнуть. Легко в этот раз не отпустит – нужно было занять себя и все равно чем, лишь бы плотно. Стихи в голове сменились песнями. Следующий этап – спеть в голос что-нибудь бодренькое, звуки тоже отвлекали. А лучше бы кто-нибудь вошел, заговорил. Или самой выйти на улицу и идти, идти... до предела внимательно вслушиваясь и вглядываясь в окружающее и буквально впитывая запахи, звуки, виды.

Ничего, я спою... тихонько. И даже спляшу, если понадобится. Что-то да сработает.

Глава 16 Год и десять месяцев назад. Девиантное (нетипичное) поведение

- Ну что же – вам повезло, у вас было неплохое детство, - расслабленно заключил доктор.
- Да, сейчас понимаю. А казалось – вполне себе обычное. Затянулось оно правда, а закончилось в ту мою днюху, - задумчиво вспоминал Влад, - пришлось потом продавать дачу... хорошую дачу на берегу реки чтобы закончить учебу. До третьего курса еще можно было говорить о переводе на бюджет... просто включился бы и смог. Что, собственно, потом и сделал. Но позже отчислений как правило не бывает и мест получается тоже.

- Небольшие трудности мужику только на пользу – по себе знаю.

- Когда понимаешь, что надеяться больше не на кого?

- Но не у всех получается собраться и сосредоточиться на самом важном на данный момент... – доктор помолчал, отложив ручку и чуть подался вперед, внимательно глядя на пациента: - А теперь очень важный для меня вопрос... Я понимаю, что событие давнее, но может вы припомните, как пережили тот период?

Влад тоже весь подобрался и даже полы пиджака поправил. Раз важный вопрос... привык уже доверять лечащему. Ответил дисциплинированно:

- Давнее. Помню. Спал на ходу, не врубался. Или вырубался – хрен его... - вдруг напрягся мужчина и странно посмотрел на врача: - А вечером после похорон я пошел в клуб.

- В шумной обстановке, на людях переживать личное одиночество проще? – понятно кивнул тот.

- Я не думал тогда... и об этом, и кажется вообще. Там вышел на танцпол. Не помню лиц, не помню музыки, разговоров. Даже не пил, кажется, но знаю, что дрался, а проснулся у Вадима – мой однокурсник... жил у него потом еще неделю. С тех пор подружились.

- А как сейчас ваши отношения? – живо заинтересовался врач.

- Друзья и их поддержка - важно, конечно, – понял его Влад, - а никак наши отношения. Там та же ситуация... от него тоже ушла жена, но еще можно было все спасти. Я хоть как-то... хоть через жопу, док, но все-таки пытался, а он просто не стал. Я... правильно сказать, наверное - наблюдал его перед этим. Тут нужно сказать, что Вадька всегда был идеален - в хорошем, реальном смысле. Редкий красавец, умница, семья у него... И слетел с катушек. Марионетка, кукла... даже я дергал за ниточки, не веря глазам. В детстве, знаете - тыкаешь палочкой в червяка на асфальте, чтобы проверить живой он вообще? А я чтобы понять – нормальный он на фиг или совсем ёб...? Н-да... Это полный трэш, когда адекватный мужик разом превращается в невменяемое нечто. И всё, нет больше человека – дикая охота, понеслось!

- И?

- И... в нашей тройке по части лидерства я всегда был в конце, даже после Виктора.

- А в чем причины? Можете объяснить?

- Причины? В образе понятно. Приспособился, наверное – тогда, после родителей. Казалось, так легче – не лезут с сочувствием, не замолкают, когда подходишь... не тяготятся тобой и твоим горем, не тупят, пытаюсь что-то сказать по поводу и без. А ты тоже не знаешь ни что сказать, ни как себя вести. Бесило и раздражало все это... невероятно.

- Да, хорошо вас понимаю.

- Ну и само как-то... нащупал удобную нишу – типа пофигист и долбодятел. Остряк, приколист... Может идея еще с танцпола зашла - не думал в эту сторону.

- Чувствуя опасность для себя, мозг включает защитный механизм. Ищет способы и поднимает броню.

- Да хоть как... но жить стало легче. А все-таки, знаете... наверное, все еще с танцпола, я же почти не помню, как туда попал. Может и правда нельзя было дома? - замер Влад, вспоминая: - Тихо слишком... но какие-то звуки были со всех сторон - многоквартирный дом, не частный. Но звуки привычные, как и раньше и я так... напряженно фильтровал для себя каждый. Казалось ко всему, что я слышу, так же привычно добавится... вот-вот сейчас - шаги отца, и он что-то скажет... или мама. Я не смог - сбежал, струсил. Взрослый практически мужик.

- Зря вы так, - не согласился доктор, - это что угодно, но не трусость. И взрослые переживают психологические травмы труднее, чем дети. Дни, месяцы... сколько? Затянувшейся психотравме почти всегда сопутствует грубое вмешательство в эмоциональное состояние личности. Новое психологическое поведение даже не редкость - оно почти норма. Пассивность бывает сменяется агрессией - человек борется с чувством... не важно - вы вот не хотели жалости к себе. Многое зависит от душевных и физических качеств, не стоит винить себя еще и за это.

- Я не винил, просто впрягся... чтобы не лезли с расспросами и сочувствием. Так было проще и легче, еще и телки дают. Раньше - хрен, а когда наплевательски и через губу к ним - пожалуйста. Так что в нашей тройке я был в амплуа пофигиста, а когда и шута - было особо херово, и я откровенно бузил. В лидеры не лез, на авторитет не претендовал, а вот наблюдать любил и до сих пор люблю. И тут - такое с Вадькой. Вот где девиантное поведение - человек с открытыми глазами идет «под поезд» - сознательно, добровольно. И невменяемо в то же время. И смотреть на это было... как бы объяснить? Болезненно любопытно, наверное - будто ты сам под гипнозом. Потому что выглядело нереально странно. Там феномен посильнее, чем ваши стигматы. В том смысле... - тормознул Влад.

- Я понимаю, кажется... да - понимаю. Даже сумасшествие бывает странно заворачивает - будто открывается иной мир.

- Походу Вадим был где-то на подходе... В общем, вначале я пытался как-то намекать, наводить на мысль, что ему элементарно имеют мозги - грамотно, умеючи. Используют, разводят, уводят из семьи, как тупого бычка. Что обидно - я же его знал! Высказать прямо, наорать нельзя - будет только хуже, только круче закусит, еще и врагом потом станешь. Я же не авторитет, а так - пиздобол, сам херню порол по поводу семейных ценностей, находясь в образе. А он признанный лидер и всегда прав.

- Вы не хотели изменить свой стиль поведения? Не устали играть?

- Я больше не играл, док, я так жил. К сожалению.

- А с женой?

- В смысле - с женой? Я же ничего не делал специально, не притворялся, даже не думал уже об этом... Хотя да, вы правы - рядом с Мариной и при ней шутком я не был, скорее гусаром, - кивнул задумчиво Влад.

- С Вадимом отношения прерваны? Друзей у вас больше нет?

- Он сейчас не лучше меня, каждый хлебает свое. Работаем.

- А третий ваш друг?

- А Витька поглотили, как личность - мяукнуть не смеет. Тихая деградация в подкаблучника. А может там так и нужно - семья, дети... или с Валентиной его - только так, но факт то, что он боится жену, реально. Я даже провел эксперимент, грязный надо признать... сейчас не рискнул бы повторить. Зато выяснил, что да - боится до усеру. А в итоге из нас троих только он и в шоколаде. Боброва скоро поглотит и контору. И будет права - мы с Вадимом слегка не в себе, хотя и ломим за десятерых, а она адекватна, деловита и грамотна. Стерва и дрянь баба! Это не склочный треп, док - говорил ей в глаза. И у Вадьки, и у нас с Мариной мог быть шанс, но бракоразводные процессы вела она. Все взяла на себя, только поиздеваться надо мной оставила Маришке. Но та на нервах, а Валентина... она все делала с холодной головой, по договору,

мимо друзей и привязанностей. Да какие друзья?! Я никогда и не питал иллюзий... - получалось печально, гадство. Влад вспомнил грустного Пьеро и даже улыбнулся – дожился. Мдя...

- Можно еще такой вопрос, - шевельнулся врач, - вы делились... рассказывали Марине о трудном периоде после смерти родителей?

- Жаловался в смысле... ныл, как сейчас вот и плакался? А зачем? И так ясно, что хреновые времена. Всегда старался не грузить никого своими проблемами. Вы исключение, док, но это по настоящему требованию, - усмехнулся Влад, - и менять поведение специально, как видите, не пришлось - шелуха спала сама, но легче почему-то не становится. А что так?

- Всему свое время. А вы не пытались помочь другу сохранить семью? Не чувствуете вину еще и за это?

- Вы, док, при всем моем уважении... - медленно заговорил Влад, старательно подбирая слова: - Всей этой невменяемой херни не видели и нашего Вадима не знаете. Мне осталось только наблюдать, вбрасывая вводные и намеренно доводя ситуацию до абсурда... Пытался! Реально оценив свои возможности, я пытался. Даже предлагал прикрыть для случки, гнал на Ксюшу, которую бесконечно уважаю. И - по нарастающей, нащупывая отъехавшую границу! У самого – волосы дыбом... Ну умный же мужик! Защищать свое – это у нас на подкорке. Очнись ты, морду набей падле, что посмела... на святое! Я ждал этого, готов был! Но нет – в абсурд ситуации Вадька не врубался. Ну-у... и тогда я подумал, что мало ли – если настолько сбиты базовые установки... вдруг и правда поздно встретил мужик настоящую любовь. Бывает и так, наверное. Там баба, конечно - феномен... и крайне любопытный. Ну, я присмотрелся... но так и не въехал, как ни пытался. С ее стороны... дама была из тех, кто не транслирует. Вот вообще никак, ни при каком раскладе! И Вадим тоже, - покачал головой Влад, - что странно, согласитесь, при безумной любви. Цветочки, ручку через стол потискать... не верю! И я просто плюнул, решил больше не лезть в это болото, не разрешил Марине. Тогда и разругались.

- Я так понял – вы продолжаете работать все вместе – Виктор, Вадим и вы. Атмосфера в коллективе...

- И весь коллектив держится на Бобровой. Вот она – настоящий лидер, безо всяких, - угрюмо признал Влад, отводя взгляд.

- А сменить место работы не думали?

- Сменить место? – прозвучало растерянно, - а с чего? Я равный партнер. Обстановка нерводробительная – да... Но куда я уйду? На социалку? Я «уголовник».

- Это подразумевает адвокатскую лицензию, но вы же юрист? Есть интересные должности в больших компаниях, довольно денежные и без уголовщины, которая, как я понимаю, последнее время вас напрягает.

- Хотите сказать – полное выздоровление наступит, только если я сменю место работы? - насторожился Влад.

- Вы не больны, Влад... у вас временные сложности. Но вы тут как-то проговорились, что не так и дорожите своей работой. Просто подумайте о других возможностях. Иногда полезно изменить что-то в жизни специально, сознательно. Не вынужденно, под прессом обстоятельств, а добровольно, продуманно, с прицелом на лучшие перспективы.

- Не готов если честно... не знаю.

- А никто и не требует от вас срочных решений. Просто признайте, что вы не загнаны в капкан некомфортных и даже болезненных для вас отношений и нелюбимой работы. Всегда есть выбор – у вас точно, вы оставили его себе, сделав задел в своем бюро.

- Работа – яд, - поднял руки Вадим, - закрыли тему, док. Не готов.

- Неправда. Яд – алкоголь, - усмехнулся врач, - представьте себе насколько, если, чувствуя опасность, организм активизирует репродуктивную функцию. Типа того, что «я отравлен, умираю, надо оставить потомство». Существует научно доказанная корреляция между

алкогольным опьянением и жаждой совокупиться, иногда все равно с кем. Отсюда и левый секс по пьяни – просто инстинкт. Практически мимо разума, на глубинных установках.

- Буду осторожен с промилле в крови. А психология, если что, оправдывает все? – подчеркнуто уважительно качнул головой пациент.

- Почти. Но объяснит, наверное, действительно все. Так или иначе, - слегка поклонился в ответ доктор.

Возвращаясь домой в полной уже темноте, у своего подъезда Влад увидел котенка. Не крохотного, а такого... подросшего уже. И прошел мимо, хотя тот громко орал, требуя пустить в тепло. Мысли на этот счет: котов он не любит, у себя точно не оставит, подъезд – не место для ссыкучей твари, народ массово сунет с работы – кто-то да подберет. Или пнет. Но не он. Потом выглянул в окно – кот у подъезда уже не было. И пришло вдруг в голову, что сейчас он не прошел какой-то тест – тупо проверку сраным котом. И упустил шанс. Может важный.

Эта мысль толкалась в голове, и он еще пару раз отодвигал штору и зачем-то долго смотрел на снег вдоль дороги, похожий на грязную вату. И на россыпь фонарных огней в поздневечерней темноте. Потом соображал нехитрый перекус из тертой морковки с изюмом и сметаной – любил это дело, как лакомство. Мылся, смотрел ящик...

А ночью, засыпая уже, вдруг понял, что раньше был неправ, а в чем-то и категорически. Тогда он во многом был неправ – сам себе организовал сбой матрицы. Годами вживался в образ долбоеба и так вжился, что часто уже и вел себя соответственно. И с Вадимом, и с Витькой. А нужно было взять и набить Вадьке морду - по-дружески, даже по-братски. Может и пришел бы в чувство в кроватной юшке и даже спасибо потом сказал, а так... Похоже дружбы никакой и не было, может только в самом начале. А потом уже он не понимал обоих ребят, их мотивы, причины поступков. А они изначально не понимали его, не видели. Он сам не давал себя увидеть... шут. Что же это за на фиг дружба у них была такая?

Еще и тест котом завалил...

Глава 17

Саня... чтобы не сойти с ума от чувства вины, я каждый раз вытаскивала из памяти компромат на него – может и несерьезный на первый взгляд. Я ведь с самого начала знала, что все у нас очень временно.

Здесь целая куча жирных причин, не считая того, что тогда я еще не отпустила Слава. Или он меня. Дырка в сердце и не думала затягиваться, хотя он того не стоил – предал, обидел. Но одно дело понимать, а другое привыкнуть к мысли, принять ее безоговорочно не только умом, но и сердцем. Получалось трудно, потому что только усну, а там – он.

Негатив психика похоже не тянула, поэтому снились вполне мирные и даже рядовые вещи – к примеру, как мы вместе убираемся в квартире: он пылесосит, а я – по пыли... как прорываемся утром в ванную, опаздывая на работу. Или засыпаем рядом, как два бревна, не в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой после целого дня на природе. И умиротворенные улыбки на лицах, а внутри полный покой и счастье. И бездна его, вагон, навалом просто!

Во сне все это обязательно было подернуто чувственным флером. Может сказывался сексуальный голод, может другая причина... Протискиваясь в ванную, например, я касалась груди раздетого до пояса Славки и вдруг очень ярко и остро чувствовала тепло его кожи, запах его тела, заглядывалась в смеющиеся глаза. Он смотрел с высоты своего роста чуть покровительственно, а еще очень нежно, а я... я очень сильно чувствовала и что-то совершенно необыкновенное. И таяла, таяла, все замедляясь, а потом и вовсе замерев и чего-то ожидая. Что обхватит со спины руками, будто обволакивая и всю обнимая собой? Сильный, надежный, родной, мой.

Сон нельзя контролировать, как мысли и он не спрашивает – больно нам или нет, вытаскивая глубоко-глубоко спрятанное и оставляя потом в слезах, сожалении и страхах. А сердцу трудно внушить, что этот человек чужой, что он больше не нужен и не важен. Особенно если это неправда.

Мне не стоило даже начинать с Саней. Я не готова была к любым отношениям, должно было пройти время. И выждать бы его, а я рванула за быстрым спасением. Всегда предпочитала решать проблемы кардинально - не терпела неопределенностей, неясностей и затянутости трудных ситуаций. Мама говорила, что у меня это от отца. И тогда тоже... хотелось как можно быстрее выкарабкаться из затянувшегося кошмара. А еще я была уверена, что с его стороны интерес был временным, проходящим. Что и требовалось, чтобы просто забыться и отвлечься. Решающим же оказалось то, что он спокойно смотрел на мой шрам. Славка отводил и прятал взгляд.

Много причин... И слухи еще до кучи, что после армии, всего за год он кучу девок перетоптал. Девки – не разведенных баб. Я приняла информацию и будто даже опомнилась, дав понять, что на этом - все. Только дурак решит, что пара поцелуев что-то значит. Но Саня же настойчив, Санька молод и горяч... а мне плохо, пусто и страшно. И он решил за меня, взяв всё в свои мужские руки – и меня тоже. Спеленал ими, унес к себе... благо – квартиры рядом, а ведьма на работе.

Ведьма – еще одна причина того, что у нас ничего не получилось бы. А может даже главная и решающая. Просто она на время отошла в сторону – мудрая на самом деле баба. Она оказалась права, а если бы нет... не представляю на что способна Санина мать. На многое, думаю и очень хорошо, что мне не пришлось узнать или ощутить это на себе.

Застывшее выражение неподвижного в верхней части лица со скорбно поджатыми губами, тяжелый изучающий взгляд... я буквально цепенела, когда он демонстративно оставался на моей щеке. Но это ладно, со временем я даже поняла ее. Наверное. Хамские методы не одобряю и не оправдываю, но правда в ее словах была.

- Отцепись от моего дитя, добром прошу, - ровно выдала она, когда Саня на минуту вышел, оставив нас за столом, накрытым для чаепития по случаю знакомства: - Ты много старше, с уродством вон и за душой ни шиша тоже. Что думаешь – так просто отдам его? Ему такая нужна, чтобы в рот глядела, а ты... тетка ты для него! Сильно перестарок по годам, еще и неблагополучная со всех сторон. На постелю разве торовата? Что еще с тебя взять-то?

- Да вот... и подучу как раз тому, что хорошо умею, - дернулась я, вежливо оскалившись в ответ.

Уж лучше бы она молчала - после такого спича я ко всему прочему еще и закусила.

Но ее слова идеально створились со всеми моими страхами и комплексами. И дальше я уже сама искала им подтверждение. И находила. В том числе – да, мы были не на равных. Саня всегда искал моего одобрения, ждал реакции – как младший от старшего. Хорошо это или плохо? Я решила, что плохой знак – в картину вписывается.

И моложе на семь лет... фатальная цифра – Слав на столько же старше. А еще со здоровыми такими мужскими амбициями - ничего в принципе криминального. Но зеленый, такой еще зеленый! И простой, как пять копеек, слишком понятный для меня. Нет, ушла я от него, а вернее – бежала опять от мужика правильно, а вот остальное...

Кому, по большому счету, я нужна сейчас – после всех операций? И не особо переживаю по этому поводу. Но до сих пор не знаю, несмотря на ночные кошмары и муки совести - потянула бы, справилась сразу и с ребенком, и с мамой, даже если бы мне помогали время от времени? Подсесть на плечи людям, у которых своя жизнь и свои проблемы, пришлось бы плотно и надолго. А еще просить у них денег.

А Санька не нагулялся на тот момент – это правда. Высокий и даже мощный – богатырский такой типаж, всегда притягательный для женщин. А еще легкий и приятный в общении, он был приятен со всеми, в том числе и с туристками. Я поняла это, наблюдая какое-то время и *кого-то* мне напомнило. И сразу же проложенные сознанием параллели понесли меня в то самое будущее, где без вариантов.

Летний туризм, это солнце, вода, жара и минимум одежды. Сиськи на вывал, ниточки между ягодиц, зазывный смех, будто бы нечаянные касания... Я всегда была рядом, но это не мешало ему и провожать весь этот вывал заинтересованным взглядом, подмигивая при этом почему-то мне (как мамке?) и весело отшучиваться, мужского интереса не отрицая. Я тоже улыбалась, обреченно понимая, что вижу очередное подтверждение тому, что мы просто проводим время вместе - с пользой для себя и друг для друга. И странно успокаивалась от этого – своим легкомысленным поведением он снимал с меня любые обязательства. Нет – уехала я вовремя и совесть особо не мучила, и даже такая... чисто мужская реакция не обидела:

- Су-ука-а... Марыська, скажи, что шутишь. Да блядь! Я же так и знал! Рыська, сейчас же скажи, что пошутила, твою ж... - и я отключилась, потому что все уже сказала, а он на нервах мог наговорить еще кучу всего, о чем жалел бы потом.

Я не обиделась... действительно некрасиво получилось - прощаться по телефону крайний моветон. И дальше жизнью Сани не интересовалась, потому что почти в точности знала, что там и как. Нормально там все. Девочка, которая смотрит в рот, как минимум. Максимум – хорошая девочка, я желала ему только хорошей.

А вот будет ли когда-нибудь у меня мужчина – большой вопрос, потому что, если жизнь чему и научила, так это насторожено относиться к широким спинам, штанам в доме, гарантам, защитникам и самой идее еще раз довериться кому бы то ни было.

Я вообще не знала идеальных примеров, не довелось... даже у Ксюшиного Алексея в анамнезе была нехилая история кобелизма. Правда потом он стал замечательным мужем, но неземная любовь ли тому причиной? Или нагулялся уже так, что из ушей лезло? А может и всё вместе, и не мое это дело. Но и в нем тоже я какое-то время по инерции выискивала недостатки и находила вот прямо здесь и сейчас – четвертый ребенок у Ксюхи.

- Ксюш, я даже не знаю, что сказать, – выдохнула я, когда узнала об очередной ее беременности: - Гормоны тебе нельзя, спираль не сработала, резина горит в процессе... - попыталась я сгладить шуткой... - может стоит потом перевязать трубы?

- Тогда *они* поменяют стратегию и тактику, и парадным строем, повзводно и поротно пойдут в обход – мимо труб. Или сложным обходным и отвлекающим маневром, или в психическую атаку, но внедрятся все равно на фиг! Мне это в красках было расписано. Ржали так, что Димку испугали... он спал, – поддержала меня она, - себе пускай и вяжет... трубы свои. Или что там у них - каналы и протоки? Да он сам предложил.

- Ты правда... серьезно сейчас? – изумилась я.

- Если я не передумаю. Операция обратима, - хмыкнула подруга.

- Как же правильно ты выбрала Лешку! – вырвалось тогда буквально из души. В моих глазах Ксюшин мужчина мгновенно взлетел на пьедестал и подозреваю – останется там уже навсегда. Им такое решение дается гораздо труднее, чем нам. Там куча комплексов по поводу своей состоятельности, в том числе, как самца-производителя. А Лешка пошел на это с шутками-прибаутками, будто играючи.

- А где там был выбор? - повеселела она, - кто бы мне его дал? Да я не жалею и не расстраиваюсь, Мариш! Думаешь – жаловаться тебе звоню? Я и сама хочу дочку. Три на три – внутрисемейный паритет получится. А то я уже собаку хотела или сямца – девочку, само собой... Леша анекдот рассказал – хочешь?

- Ну?

- После рождения девятого ребенка отец и мать спали, не выключая света и под присмотром старших детей, - фыркнула она.

- Да уж! – весело фыркнула я в ответ.

Судя по тому, что говорила она с улыбкой, все так и было – четвертая лялька им только за счастье. Кажется, Лешке и десяток был бы в радость – все малыши здоровенькие и спокойные, а достойно обеспечить семью финансово для него вообще не проблема. И возится он с ними с удовольствием, уж я-то знаю и вижу разницу - когда ребенок любим и каждая его улыбка бесценна, а когда все равно - есть он или нет его. Меня отец, казалось, вообще не замечал.

До недавних пор мне противопоказано было наблюдать Ксюшино счастье и я старалась ограничить наше общение телефоном. Не по причине зависти, а чтобы легче было «не думать» об убитом своем. Сейчас же я безо всяких задних могла разделить его и поделиться своим с Бобровой и обоими Турчаками. А больше и не с кем.

Свернувшись в постели калачиком, я мысленно делила будущую жизнь на отдельные короткие отрезки. Долгосрочное планирование в моем случае не имело смысла - жизнь постоянно подбрасывает новые вводные, так что... А еще грела ладонями живот и занималась самой приятной из доступных приятностей - придумывала имена детям.

И если бы не препараты из капельниц, наверное, просто разорвало бы от эмоций. А так... я широко улыбалась темноте, загадывая, чтобы приснился сикающий зигзагообразной струйкой себе на голову младенец - как когда-то Левушка. Или тяжелый и невыносимо душистый памперс.

Глава 18 Год и десять месяцев назад Все самое хорошее и плохое случается неожиданно

Влад не особо и помнил, как набирал номер Михаила. Штормило и ломало, дрожали руки. Но как-то справился... а окончательно пришел в себя, уже договорившись о внеплановой встрече. Только тогда и понял, что задница промокла вместе со штанами, растопив собой снег на лавочке. Рухнул на нее безо всяких мыслей, как подрубленное дерево. Сидел и смотрел в спину уходящей Маришке, пока та не скрылась в подъезде. И накрыло, затрясло...

Док уже ждал его в своем кабинете. И с ходу заговорил, потому что кто-то должен был начать, а Влад потерянно смотрел на него и молчал. Даже не поздоровался.

- Я же просил вас – возьмите такси! Влад...? – начал было доктор и сразу же резко сбавил тон: - Как получилось, что вы встретились? И зачем сейчас?

- Считаете – не нужно было? – отложив очки, крепко растер Влад лицо ладонями: - Весь смысл того, что я пришел сюда, к вам... просить о помощи...

- Разве он был не в том, чтобы перестать испытывать физическую боль, привести в порядок сон, успокоить нервы? – мирно уточнил врач.

- А на хрен мне, док, сон и нервы, если в перспективе всё пусто? Ноль. Я не улыбался почти год может и не из-за боли - повода не было. Радости не было. И да – хоть выспаться, чтобы понять, как жить дальше. А жить я хочу с ней - как тогда жить и даже лучше. Бывает так или нет, когда точно знаешь, чего хочешь и что это - будет? Четкое знание, уверенность, даже может провиденье. Не отвечайте... я помню, что психология объяснит все, - расчесал он волосы обеими руками и, тяжело уронив ладони на колени, судорожно сцепил их в замок.

Михаил некоторое время наблюдал эти дерганные движения. Потом, выпрямившись, хлопнул ладонью по столу.

- Влад, вы помните? Мы ставим перед собой короткие цели, а еще видим хорошее там, где...

- И что хорошего для меня... конкретно - вот здесь и сейчас? - прервал его Влад.

- Хорошо уже то, что здесь и сейчас вы не один. И потом, это был просто очередной этап, и он пройден - может быть, самый трудный. Он уже позади. В любом случае, ваш разговор и не мог быть легким, хотя вот так спешить все же не стоило. Почему, с чего вообще вы решили, что все будет просто? Что после того, что натворили в прошлом, будете прощены, сказав всего пару слов?

- Искренних, док... до хрена искренних - через сердце и нервы. Душу! Нельзя не понять, нельзя же не почувствовать и не увидеть! Ну сколько можно меня наказывать? Я верил, что она увидит и поймет, потому что...

- На лбу у вас написано?

Влад промолчал. Но руки больше не суетились. Не кривились нервно губы, не играли желваки челюсти. Только кулаки оставались сжатыми до побеления косточек. Потом расслабленно поникли и кисти рук. Устал. Посидел молча, пожал плечами и выдохнул:

- Не знаю я... вообще уже ничего.

- Давайте разберемся, как случилось, что состоялся этот разговор?

- Зря я, наверное... задерживаю вас? – прозвучало глухо и будто надтреснуто, - оторвал от дел, выдернул в законный выходной.

- Прекратите. Я рад, что вы сразу вспомнили обо мне. Это жест доверия, неосознанный и тем более ценный. И никогда еще вы не поступали разумнее, поверьте. Ответите на мой вопрос? Вы просили Марину о встрече?

- Да ладно! - усмехнулся вдруг Влад, - я просил... Специально не скоро собрался бы. Слишком важное мероприятие, так что решался бы долго и мучительно. Я даже не знал, что она вернулась. Узнал бы, конечно – шел к теще... Стабильно, раз в неделю я хожу в гости к Рите. Скажете – это тоже странно? – с подозрительностью уставился он на Михаила.

- Почему? Вам необходима была стабильность хоть в чем-то. Ею и стала Рита.

- Рита не хоть... кто-то там, Рита - мама. Она с какого-то вдруг любит меня просто так, ни за что и даже вопреки. Как мама. Даже когда я натворил... она болела за нас обоих, одинаково. А Марину я увидел случайно. Она подходила к дому с другой стороны. Неожиданно получилось. И я обрадовался... Херня – не так! Это было счастье, сердце понеслось... И я столько думал последнее время, столько всего понял! Решил, что уже готов, смогу объяснить, выразить. Что у меня получится... Я сделал все, как нужно: говорил сам, уговорил ее выслушать, нашел даже нужные слова!

- Спокойнее, Влад, все позади.

- Был уверен, что услышит меня!

- А она? – последовал осторожный вопрос.

- А по хрен ей, - заключил обессиленно Влад и аккуратно водрузил обратно на нос очки.

- С чего вы так решили?

- Потому что по хрен. Я опоздал. Человеку безразлично. Все, что я сказал, ей безразлично.

- Как она выглядела, во что была одета? – вдруг поинтересовался Михаил.

- Серьезно, док? – с иронией вскинул на него взгляд Влад.

- Вполне. Что необычного или нового было в ее поведении, кроме... равнодушия, так же? В чем именно оно выражалось? И что вы узнали безусловно, что в ней по-прежнему знакомо для вас?

- Знакомо? – наморщил лоб Влад, отводя растерянный взгляд: - Н-ну тогда... шубка, сапожки те же, сумка, запах... духов. У нее духи... Или вы не об этом? Нужно что-то другое?

- Об этом, все верно, да... А что показалось вам непривычным?

- Она будто замороженная, - медленно кивнул Влад, - такая... спокойна, равнодушна, разумна до колик просто. Ей фактически все равно. А я только увидел ее и сразу – всё... Всё, док! Всеми частями тела обрадовался. А она едва взглянула. Хотя какие тут претензии? Спасибо - выслушала... и ссылку попросила скинуть. Да блядь! И... простите за всю эту истерику, док. Всё - держу себя в руках, стыдно, честное слово! - вскочил он и принялся нарезать круги по кабинету.

- А ссылку на что? Какие-то интересные источники? – заинтересовался врач.

- Неважно... я пытался апеллировать к психологии.

- М-да...?

- Что? – вскинулся Влад, остановившись: - Я пытался хотя бы, мне небезразлично все с нами связанное. Я даже в этом весь ее- так выбесить больше никто не смог бы. Да лучше бы наорала или морду набила!

- Не ищите легких путей, Влад. Что еще вы в ней заметили?

- Шрам ее... тот, что после аварии - больше не прячет его. Воспаление прошло, краснота и отечная припухлость тоже. Прошлый раз настолько тяжело всё... выть хотелось, я смотреть на это не мог – сердце дышалку перекрывало! Да... - опомнился он, - так что там еще? Волосы теперь короткие. И ни хрена больше, док! А, вот - молитвы еще! Я почему внимание обратил? В глаза сразу бросилось... Дело в том, что Вадя в религию ударился, конкретно так... - тяжело опустил мужчина в кресло.

- Вадим? Ваш друг?

- Вряд ли уже... В монастырь ездит регулярно, но обсуждать это не желает, да и не лез я особо. Я же не против религии, как таковой – не воинствую. Но одно дело Вадим... он и

монастырь потянет, и месячный запой, и роту инопланетян в придачу - просто вопрос времени. Но не Марина... а она вертела в руках проспект с текстом о покаянии и еще что-то... кажется открытка там была - с иконкой. Я душу выворачивал, а она... вертела все это. В буквальном и переносном.

- Но что-то она все-таки сказала?

- Да лучше бы промолчала, – сдавленно прошипел Влад, - хоть надеялся бы... Нет, док, там железная логика и ни капли чего-то еще, поверьте мне. Выморозила своей логикой. Издевалась так, что ли? Не пойму я. Цитировала еще... И тон тоже - как пацана меня... или щенка мордой в дерьмо.

- Вадим обратился к религии после развода? – уточнил Михаил.

- Да. Так бывает и по разным причинам. Я и то не раз наблюдал, а как-то даже искал конкретный... акафист Покрову Пресвятой Богородицы по просьбе клиента – слезно просил мужик. Отвез ему в КПЗ. И я отлично понимаю природу такого порыва - люди ищут защиту от страхов, надежду на прощение. Делают хоть что-то, потому что других возможностей нет или они не работают. Так что Вадим – понятно, с ним мне все понятно... С Мариной - нет.

- Кажется, вы выбрали крайне неудачное время для объяснения с ней, Влад, - тихо подытожил Михаил.

- Почему вы так думаете? – дернулся тот.

- Подумайте сами... Вы только что сами объяснили в каких случаях люди обращаются к религии.

- У Риты как раз ухудшение. Там крайне тяжелая болезнь, - понуро кивнул Влад.

- Возможно причина и в этом. Но если Марина до сих пор была неверующей, то это жест отчаяния, вы понимаете это? Крайняя мера для нее. Пик тяжелейших переживаний. А тут - вы.

- Скорее всего, не знала насколько маме плохо. Она тихушница, старается не напрягать собой... Но я предлагал помощь с Ритой, любую помощь. Марина отказалась.

- По какой причине, как вы думаете? Назло маме отморожу уши?

- Да нет! Она же не дура. А самое хреновое, док, знаете в чем? - вскинулся Влад.

- Слушаю, - кивнул доктор.

- Возможность быть с Мариной только одна – если она так решит.

- Ну, это логично?

- Нет – вы не поняли! Не «захочет» – любые хотелки она задавит в себе, сможет, поверьте мне. Только если она решит, что это в принципе возможно и действительно нужно ей. Так сказала и Рита, она ее тоже знает – Марина упряма, но она не дура. Я повелся не на витрину, когда женился, не только на внешность – этого добра навалом. Там мозги! И ослиное упрямство.

- Мозги иногда отключаются, Влад. И на вполне объяснимых основаниях. Разум может отключаться будто рубильником – вмиг.

- Что и случилось, и привело к аварии. Я все давно обмозговал и понял. Но я же не о том! Как бы объяснить? Принимать решение она будет не страстями, а с холодной головой – человек такой. Нет – не бесчувственный робот, но... В общем, я надеялся быть полезным, быть необходимым ей, нужным – только так это сработает. Вижу это в помощи их семье – Рите конкретно. Помог бы и так - безо всякого и даже помогаю все это время - деньгами, продуктами, а еще демонстрируя заботу и небезразличие. И Рите приятно, и самому это нужно. Но Марина... она, как тот осел, будет упрямо тащить на себе – до последнего, пока не свалится.

- Есть еще такое понятие, как возможности.

- А я о себе, док - это мою помощь она не примет ни под каким соусом. Другие возможности у нее есть – подруги. Они сдружились, представьте, в процессе и по причине разводов, которые вела Валентина. Она тоже, кстати, проводит Риту... Я – не нужен. Не крайне нужен, вернее. Не необходим. Хоть плач, хоть радуйся, но у нее есть на кого опереться, есть

к кому обратиться. Я – не нужен и больше не вижу способов... и возможностей тоже, - обреченно-спокойно заключил Влад.

- Это временно, - так же спокойно отозвался доктор.

- В смысле? – напрягся пациент, - вы о чем-то конкретном?

- Реальные, разумные способы и возможности есть всегда. Но вы не сказали мне главного – тот мужчина...? Она вернулась насовсем и одна?

- И что же? – растерянно моргнул Влад, - она была одна. Я обрадовался и как-то... И что?

- Женщинам природой не предназначено быть одним. Это неправильно, неестественно.

Для них существует потребность на глубинном, даже животном, если хотите, уровне – быть под защитой. Это уже является инстинктом – обеспечить безопасность потомству, имея кормильца и защиту в виде сильного самца. А в нынешних реалиях... порой уже любого, лишь бы потребность в защите была восполнена хотя бы условно.

- Не современные женщины, Михаил, - усмехнулся Влад, - они...

- Вынуждены, Влад. Потому что мы регулярно и коней для них шугаем, и избы поджигаем.

- Лишь бы любимая не скучала? – прозвучало без улыбки.

- Страх остаться одной – порой единственная причина, по которой женщины прощают не прощаемое в принципе. И это не трусость или слабость, а базовый инстинкт – иметь рядом надежную защиту для себя, а значит и своего продолжения. Это забито на подкорке. Немного подождите, просто дайте ей время прийти в себя, сориентироваться и подумать. Гарантий нет, все люди разные, но это одна из возможностей для вас.

- Я не могу просто отойти в сторону и ждать – там Рита.

- Я не об этом. Дайте время Марине. Очевидно же, что сейчас она не подпустит вас ближе. И не пытайте себя совестью – сами сказали, что она не одна, есть друзья. Не форсируйте.

- Да кто мне даст форсировать? – прозвучало горько.

- Да. Похоже, даже видеть вас ей все еще больно. Вы сказали – практически не смотрела? Это не похоже на абсолютное безразличие, вам не кажется?

А еще она искала ему оправдания – пронзило вдруг мозг пониманием. Ведь та идиотская цитата из статьи по психологии в ее электронном блокноте – об этом. И она сохранила ее.

- Спасибо огромное, док, - встал он, - мне нужно подумать хорошенько, вспомнить. В общем, подумать... А откуда вы узнали, что при ней что-то было? Конкретно – молитвы.

- Я не мог этого знать, это не так работает. Всего доброго, Влад. Звоните в любое время дня и ночи – я уже говорил. И не забудьте принять лекарство от давления – это важно, вы перенервничали сегодня. Ночью сознание будет прокручивать пережитое...

- Спасибо, док, не забуду.

Садился в машину, ехал домой, открывал дверь, что-то еще делал – привычно, на автомате уже... и мучительно вспоминал каждое слово, выражение лица, звучание голоса, движение бровей – он не отрывал от Маринки взгляда. Вцепился им, как в свое спасение, поэтому и увидел, и запомнил... Синие тени под глазами - от ресниц? Нет, свет падал иначе. Резкие обводы скул на осунувшемся, похудевшем лице и новая стрижка – длинной до плеч похоже. Легкие темно-каштановые пряди, свободно спадая из-под объемного капюшона, частично прикрывали израненную щеку. Она специально села так, чтобы он видел? Нежная, красивая, такая слабая на первый взгляд...

Еще вспомнил, как буквально скрутило потребностью втянуть в себя ее запах, коснуться хотя бы рукава шубки – быть ближе, как можно ближе. А в идеале обхватить по-медвежьи, покачать, покружить, потоптаться... прижать к себе в привычном жесте опеки и защиты и замереть потом. Стоять так долго-долго и желательно молча. Потому что любые слова, они... все равно не передать и не выразить даже части того, что кипит внутри... или млеет и тает возле нее? Но это все как раз нормально – он ужасно соскучился!

Станным было то, насколько горькую и едкую обиду он сейчас испытывал. За то, что так безразлично оттолкнула, а по факту – совсем прогнала. Единственным результатом объяснения с Мариной стала эта долбанная обида! А что бы сказал на это док, интересно? Отмазал бы и тут – к гадалке не ходи...

Глава 19

В квартире темно и тихо. Оставив пакет с больничными вещами в прихожей, прошлась, раздвигая шторы. Я это так качественно отгородилась от мира или после кто заходил – без понятия. Помывшись и одевшись в домашнее, присела на кухне, решая, что делать дальше, а главное – что за чем? Спокойно я себя не чувствовала, одиноко – да, а еще было страшновато, что не справлюсь. При мысли о еде слегка мутило.

Но организм имел свое собственное мнение за этот счет – в животе заурчало и я занялась овсянкой – что может быть проще и быстрее?

Но вечно на кухне не просидишь и, перекусив, я прошла в мамину комнату. Провела рукой по спинке кресла-лифта – щедрому подарку Ксюши с Лешей. На него у меня были планы – если продать на Авито даже скинув четвертак, получалось полторы сотни. А это хорошие деньги, которых должно хватить на платную медицину. Но вначале следовало предложить их обратно дарителям, иначе получалось откровенно неловко. Это не последние, справлюсь и без них.

Отодвинув штору, я впустила слепящий блеск дня и в эту комнату. Щурясь от солнца, присела на мягко прогнувшуюся кровать. Здесь все еще слабо пахло лимонным лосьоном. Последнее время, когда добраться до ванной даже с чужой помощью маме стало не по силам, я протирала ее с головы до ног. Спиртовой лосьон лучше всего охлаждал и освежал тело, потом шел специальный крем... Но запах зеленой травы и лимона сейчас ожидаемо воспринимался, как мамин запах.

И ее фиалки... узкий стеллаж был плотно заставлен одинаковыми горшочками с цветами разного размера и колера. Земля еще влажная. Ничего... я неплохо справляюсь. Потом нужно будет решать что-то с Ритиной одеждой, но это после сороковин.

Прилегла на кровать и прикрыла глаза, слез будто не предвиделось. Может потом...?

Назавтра состоялся поход к медикам и разъяснилась ситуация с рисками.

- Давайте договоримся на будущее – общаемся откровенно или с учетом тонкой душевной организации? – приветливо уточнил пожилой врач.

- Организация позволяет, – согласно улыбнулась я. Он уже мне нравился – спокойный, аккуратный, с безукоризненной бородкой явно из барбершопа.

- Почему-то так я и подумал, – улыбнулся он, с удовольствием меня оглядев.

- Судя по выписке, ваша травма была довольно тяжелой, но это все-таки УГМ – ушиб, а не ЧМТ. Нам с вами нужно избежать акушерских осложнений во время беременности, потому что в сочетании с последствиями даже легкого ушиба мозга они могут вызвать затруднения в выборе метода родоразрешения. А это важно.

- Серьезно звучит, – занервничала я, – а если конкретнее? Все, как есть говорите, доктор, неизвестность хуже всего. Я же в интернет залезу и такого там нахватаюсь!

- Я планирую именно откровенность и обоюдную, Марина Станиславовна. Мы проведем комплексное динамическое обследование, предусмотренное клиническим протоколом. Обязательны консультации невролога, окулиста, а может и нейрохирурга. Я не наспех, а тщательно изучу представленные вами медицинские документы, оценю длительность, динамику и выраженность клинических проявлений УГМ с учетом планирующегося метода родоразрешения. Хотелось бы естественный, вы согласны?

- Само собой, – кажется поняла я, – а вся эта информация, чтобы я согласилась с необходимостью и прошла вот это все, несмотря на дороговизну... по нынешним временам?

- Да, клиника у нас платная, но это подразумевает, в том числе, и высокое качество медицинской помощи. Вы должны определиться насколько готовы к тратам, потому что одного только желания благополучно выносить и родить детей после тяжелого ушиба мозга, да еще

при многоплодной беременности, здесь явно маловато. Это не самые приятные, но реалии. Я не утверждаю, что возникнет необходимость во всем вышеперечисленном, но... - пожал плечами врач.

- Все понимаю и к разумным тратам готова, - чуть замялась я. Хотелось бы донести максимально убедительно и желательно бесконфликтно. От этого человека многое зависело, но больше денег от этого у меня не становилось: - Но только разумным. Дурных, лишних денег у меня нет, как и отца у моих детей. Поэтому пусть это будут только необходимые траты. Консультироваться дополнительно по этому вопросу я не стану, надеюсь на ваше понимание.

- Безусловно, Марина Станиславовна, - опять же, с видимым удовольствием заключил врач, - узнаю деловую хватку юриста. Назначать лишнего и я не стану – не в моих правилах. Об остальном поговорим после первичного обследования. Подошло время для скрининга первого триместра. Повторно УЗИ не потребуется, здесь вы сэкономили – по показаниям травмы вам назначили трансвагинальный вариант, а он более точный и по его результатам угроз не выявлено. Врачу, проводившему его, я полностью доверяю – мы знакомы, описание сделано грамотно и подробно. Но нужно пройти еще и биохимический скрининг. Рекомендации по подготовке к нему здесь, - подал он мне распечатку, - отнеситесь к ним серьезно. Стоимость кажется около двух тысяч.

- Мне вполне по силам, Андрей Максимович, - согласилась я. Этот доктор был лучшим или даже самым лучшим, судя по информации, добытой для меня Валентиной. В отзывах на форуме его вообще возводили до уровня "бог". А что дешево не будет, я поняла еще в вестибюле клиники – вышколенный персонал, мрамор, стекло, почти стерильная чистота везде, спокойная тишина, высокие растения в кадках и даже мини-фонтан с медицинской змеей... Все дорого.

Но на первое время что-то у меня было. Мама всегда понемногу копила, а подкопив, отдавала мне. Это были мизерные деньги, которые я тратила на маленькие излишества, как и планировалось Ритой. В этот раз, незадолго до комы, она отдала мне конверт – на похороны. Я думала там, как всегда – немножко, но оказалось чуть больше сотни. Эти деньги так и остались в конверте – все траты взяли на себя Валя, Алеша и Слав.

Откуда такая сумма я, кажется, догадывалась – тоже Славка. Он регулярно приносил продукты, а мог и деньги. А что-то могла и Валя. Мне она деньги совала, но я не взяла. Рита могла и не отказаться. Мама не страдала комплексами, а еще как-то объяснила мне, что такие вещи человек делает прежде всего для себя. Я это понимала, но взять деньги так и не смогла.

Тогда и необходимости в такой помощи не было – я нормально зарабатывала, хотя контора Барканова и Мятлова была небольшой, средненькой. Там работало всего семь юристов, не считая начальства. Соответственно в роскоши это начальство не купалось, но хороший кусок хлеба с маслом и даже икрой точно имело. Не обижали и нас. А еще была мамина пенсия по инвалидности. Помогали и Ксюша с Алешей, но конкретными делами. То же кресло или необходимые и как правило дорогие препараты, которые еще и добывались с трудом - такую помощь я принимала без вопросов.

Эти же деньги... Сразу после развода, узнав, что они от Славки, я швырнула бы ему в лицо, однозначно обозначив его для себя, как морду. Чуть позже отослала бы на кошелек, привязанный к его телефону – молча и гордо. Но не сейчас, не после того нашего разговора.

Наверное, я благодарна за него – в чем-то я успокоилась, что-то поняла. Благодарна за то, что услышал и отошел в сторону, как я и просила – его присутствие рядом мой дурной мозг воспринимал почему-то, как тяжелый стресс. Тягостное, почти невыносимое состояние... скопом наваливались все обиды, тянуло в слезы, хотелось убежать и спрятаться в самый темный угол. Тоска лютая! Пара раз до суда и этот тоже – сразу после аборта... я тогда с трудом заставляла себя сосредоточиться на его словах, чтобы не потерять их смысл. Сама говорила медленно и выверенно, мучительным усилием собирая мысли в кучу.

Не видеть Славку было единственным условием нормального существования для меня. Но я правда ему благодарна. За слова любви и желание быть рядом в том числе. Они чуть сгладили негатив, но ситуацию не меняли.

Потому что измены его были осознанными. И даже если все случилось по веской для него причине – из-за инерции мышления и не только (он грамотно все объяснил), то это ничего не меняло для меня. Сам признал, что можно было сделать иначе, но он не стал, не счел нужным. Это был выбор и решение адекватного и дееспособного человека.

А еще это значит, что в системе его координат есть право на вот такие действия и не факт, что он больше никогда этим правом не воспользуется.

Сделанное на эмоциях я не принимала в расчет, иногда они так топят, что не осознаешь действительности – испытала на себе. Так что, хорошо подумав в свое время, меньше всего я готова была предъявлять за Тайку. Я сама творила такие вещи... вела себя настолько мерзко, что спокойно реагировать на это мог только камень, а Славка был живым, а еще до предела издерганным моими фокусами. И он ударил в ответ - вот так. Может, чтобы не пойти и вообще не убить на фиг. Я бы убила, наверное. Так что здесь я его понимала. В состоянии аффекта совершается более 15% тяжелых правонарушений и его невозможно симитировать. Здесь был тот самый случай, насколько вообще я знала своего мужа.

Но шлюхи... это уже как бы и слишком. Это предел – чем бы ни были вызваны эти «эпизоды». Эпизоды... Хорошо же как сказано! А я слушала и даже не возмущалась, насколько была измотана – буквально на грани тихого нервного срыва. Будто и не я, а пустая оболочка безо всяких чувств и эмоций. Смотрела, шевелилась, кое-как общалась, на остальное сил не было. Может потому и пережила эту встречу более-менее...

- А когда нужно сдать кровь, Андрей Максимович? – уточнила я.

- Если вы согласны с расценками и окончательно решили наблюдаться у меня, сейчас подпишем договор, сестра уже подготовила... Людочка? – доктор забрал он у медсестры типовой договор и, быстро просмотрев его, положил на стол передо мной.

- И сами понимаете, Марина Станиславовна - чем скорее мы с вами увидимся следующий раз, тем лучше для дела.

И я насторожилась.

- То есть сроки важны и даже до дня? Все-таки возможны нехорошие... вещи? Но не в ходе беременности, так же? Потому что чувствую я себя прекрасно. А в родах, да? Я одинока, доктор, мне нужно со всех сторон обставиться, вы должны сказать все, как есть.

- Сейчас я еще не могу ни напугать вас, ни обрадовать – даже с аналогичными травмами и похожими исходными данными итог может быть разным. Каждый человек индивидуален. Строить прогнозы рано.

- Нет, вы не поняли. Что грамотный прогноз нельзя сделать до обследования, я понимаю, просто скажите – вероятность нехорошего возможна? Не заставляйте меня лезть в интернет, Андрей Максимович, я нахватаюсь там лишнего. Угроза для детей есть? – допытывалась я, - а для меня? Десять недель, а у меня даже токсикоза не было!

- С чего вы это взяли, если случился обморок? А еще "помутнения", как вы их называете.

- Да... помутнения бывают, но их легко пересидеть с закрытыми глазами и все быстро проходит. И сознание теряют не только из-за беременности, а я тогда сильно понервничала. Так что с угрозами? – давила я на врача.

- Вы правы, - сдался он, - в процессе родов могут возникнуть сложности и тут важно грамотно выбрать способ родоразрешения. Варианта три - через естественные родовые пути без ограничения потуг... или с ограничением, а для этого существуют способы вакуум-экстракции и наложения акушерских щипцов.

- Звучит... не очень, да? – вскинулась я, - что-то еще? Кесарево?

- Да – полное исключение потуг. После УГМ прошло достаточно времени, это уменьшает риски, но они остаются.

- И для жизни детей? – выпытывала я.

- В гораздо... гораздо меньшей степени, чем для вашей, - вздохнул доктор, - но поймите - любые роды, это всегда риск. И все-таки не стоит паниковать – исследовательские данные говорят о том, что родоразрешение естественным способом благополучно прошло у почти 80% пациенток с ушибами мозга и даже свежими ЧМТ. Мы сделаем все возможное, чтобы избежать рисков. Кроме того, при многоплодной беременности малыши не бывают слишком крупными – это огромный плюс.

- Спасибо, - нервничала я, - жаль только, что не у ста процентов все прошло благополучно. Я поняла, что затягивать не стоит, давайте подписывать и назначьте дату скрининга – я пока не работаю, так что...

Выйдя на свежий воздух, я села на лавочку в сквере возле медицинского центра. Красивое здание, красиво обустроена территория вокруг и вообще красиво - самая та пора, когда нужно буквально жить на улице. Дышать осенним воздухом с привкусом терпких листьев, кислород потреблять со всем усердием, глаза радовать яркими красками... Достав телефон, я набрала Лешу. В быстром наборе он значился у меня просто – «Турчак».

- Леша, узнал меня? Не долго жить буду?

- Шутки у тебя - дурацкие, Марина, – отрезал он.

- Всё, что могу. Нужно поговорить, ты как – временем располагаешь?

- Можно и поговорить. Назначай время и дату – сориентируемся, напрягу Ксюшу с тортиком.

- Нет, Леш, давай пока без нее. Мне нужно вначале с тобой, с Ксюшей потом уже сам – смотря как пойдет. Буквально десять минут, долго не задержу.

- Ты где сейчас? Далеко?

Я оглянулась и назвала номер дома и улицу.

- Через полчаса буду. Погуляй там пока.

- Да, Леш, жду тогда.

Фу-ух... откинувшись на спинку лавочки, я взялась соображать что и как скажу.

Глава 20 Год и десять месяцев назад Разговор с Мариной

Каждый его косяк был грамотно объяснен специалистом. Получается и оправдан с точки зрения психологии. И да – челюсть уже не ноет, как проклятая, почти сводя с ума ночами... ночью он спит, как и положено. Пока еще на препаратах, но раньше не брало даже сильное снотворное – уснуть мог только на пределе усталости. То есть польза от лечения есть.

Почему тогда он продолжает чувствовать себя мудаком? И особенно масштабным – именно сейчас. Будто накосячил в разговоре с Мариной еще сильнее?

Легче было бы покажи она хоть какую-то эмоцию... чтобы он понял, что к нему хотя бы *относятся*. Хорошо ли, плохо ли. А она и правда – будто выморозила его в себе. Но ей правда сейчас плохо, и он знал причину – мама Рита. Так что да – он не вовремя, хотя единственное чего просил, это позволить участвовать и помогать, как делает это близкий человек. Слишком о многом просил – быть рядом.

Он заметил ее издали и узнал сразу, мгновенно... и сердце понеслось. Шел навстречу, не думая что делает и стоит ли это делать сейчас, потому что к разговору он точно не был готов. Топили эмоции, а... ум, скажем так, под их влиянием тоже пускал фейерверки. Он полностью включился уже в кабинете дока, никак не раньше, потому что вспомнить, что говорил Марине, было не то, чтобы сложно... Рядом с ней он был, как под наркозом, действовал и говорил тоже под ним – в дурной какой-то эйфории и беспричинной радости. Хотя почему беспричинной? Он целый год ее не видел!

- Мариша, Масенька... здравствуй! Ты вернулась! - тормознул он ее, схватив за плечи. И сразу же руки убрал, шагнув назад – она так посмотрела... его просто отбросило этим взглядом. Что там было – в выражении Маськиного лица? Сложно... Сейчас он сказал бы – усталая мука. Или досада. Но тоже усталая – будто через силу. Она словно жила через силу – потерянная, расстроенная, маленькая. И понять бы это сразу, отойти, но он уже не мог – все, что было в нем мужского, получило сигнал – спасти, защитить, прикрыть собой! Нормальное желание и порыв правильный, но...

И его уже несло. Сейчас он понимал, что шансов тормознуть разговор просто не было – слишком соскучился, слишком хорошо мотивировал его Михаил. Он поверил в себя и в то, что сможет.

- Пожалуйста выслушай, долго не задержу. Ты же знаешь каким я бываю настырным. Можешь молчать и ничего не говорить, если не хочешь, просто послушай! - нес он, понимая, что от ее желания уже ничего не зависит – рот у него открылся и хрен теперь его... просто не сможет и все! Марина тоже, наверное, это поняла и обреченно оглянулась вокруг.

- В машине тепло... я старье пока взял, но колеса ходят и в салоне тепло, печка хорошо работает. Пошли, будь умницей – на морозе неуютно, а ты без шапки опять...

А потом он рассказал ей все – как и доку когда-то. Начал грамотно, с самого первого своего ненормального по сути действия – похода на танцпол после похорон родителей. Объяснил его с точки зрения психологии, и тогда Маринка впервые... даже не взглянула на него, а скользнула взглядом в его сторону. А потом опять уставилась на ветровое стекло.

На него сажались редкие снежинки, постепенно покрыв полностью, потому что снегопад усилился. Он будто укрыл и огородил их двоих от всего мира. И это было настолько сильно – чувствовать ее рядом! Все ощущения обострились в разы, накрыло приятным возбуждением – эмоциональным и тем самым тоже. Как и положено, он чувствовал нормальный и правильный мужской голод к своей женщине. И не просто... а давний, лютый. Это усугубляло, конечно...

мотивировало еще сильнее, но главной его целью не было. Он держался и готов был еще - сколько нужно, потому что голод этот должен быть один на двоих.

Важно было другое - она слушала его наконец! От этого крыло то ли пьяной эйфорией, то ли дурным вдохновением.

Но когда дошел до Тайки... язык ворочался с трудом. Горело не только лицо - казалось и подошвы. Температура точно поднялась. Маринка остановила его, поморщившись:

- Не нужно, я знаю почему ты так сделал.

- Да? – потерянно брякнул он и умолк. Стройная цепочка его исповеди была нарушена. И ладно! Зато есть повод сказать самое главное и не так, как раньше – дежурно, а потому что это правда.

- У нас с ней до этого ничего не было, и после тоже. И никогда больше, слышишь...?! Я *люблю* тебя никогда больше не выкину ничего подобного. Понял уже, что делал не так, мне помогли понять – врач помог... два месяца к нему хожу. Я понял многое, Мариш – что делал и почему, по каким причинам. И даже – с этими эпизодами...

- Шлюх имеешь в виду - объяснил? – заторможено поинтересовалась она, - и психологически грамотно? Скинь ссылку на источники – может и я такое пойму?

- Не нужно, ну пожалуйста! - почти взвыл он, - я привык так, это помогало, потому что решало все просто и быстро... прости, Мариш, за это, но там безо всяких эмоций. Я даже не считал это изменой!

- Помогало? – хрипло переспросила Марина. Ему показалось - ей трудно дышать, будто воздух загустел и с трудом проходит в легкие. Потянувшись, он выключил печку. Постороннее движение отвлекло и будто дало сил. Он попытался еще:

- Тебе противно слышать, а мне стыдно говорить... помогало. Но я должен был сообразить, опомниться, найти другой способ, а действовал по инерции, так было проще. И – помогало, да. Иначе я не кидался бы за этим, как за лечением. Самому дико сейчас... Я старался забыть, на следующий день буквально забывал. И мне стыдно за вот это все, Марина, я жалею! Прости пожалуйста дурака. Ты веришь, что я люблю тебя?

- Сейчас... - отложив сверху на приборную панель бумаги, которые держала до этого в руках, она нечаянно заострила на них внимание. И он увидел, что там, но промолчал, не стал спрашивать - в ушах еще звучал собственный вопрос, а она на него не ответила. Покопавшись в своем смартфоне, ровно выдала цитату от какого-то умника...

Тогда его уже какое-то время потряхивало от этой ее ровности.

- «Иногда даже любимая женщина не удовлетворяет всех потребностей. И что бы ни говорили, но путь к сердцу мужчины лежит через секс».

- Нет! Ну нет! Ну дело же не в этом! – буквально взмолился он, - ну я же все объяснил.

- Ладно... тогда еще – «Фрейд назвал это «психологической импотенцией». Она выражается в снижении потенции именно с партнером, который очень значим и любим, то есть жене. С таким партнером орган отказывается выполнять свои функции в то время, как с другими женщинами проблем в сексуальном плане не возникает...»

- Да блядь, Марина! – взвился он, - что за хрень? При чем вообще здесь это?! – завелся с полтычка буквально. Общее напряжение сказалось? Но только она и могла так выбесить - его Маша, может и не намеренно, но о-очень одаренно.

- Помолчи пожалуйста, - спокойно попросила она, - слушай дальше - «Получается парадокс – чем сильнее партнер значим и любим, тем сильнее проявление психической импотенции. Однако сохраняется влечение к другим женщинам, потенция с которыми остается на высоте.

Проявление такого сильного влечения возможно только с обесцененными, приниженными женщинами, которые условно опускаются мужчиной до степени проститутки.

Таким мужчинам свойственны эротические фантазии, которые они не решаются высказать своей жене, так как испытывают к ней глубокое чувство любви и уважения. Нежелание запятнать ее чистый образ и страх высказать свои желания побуждают искать для реализации этих фантазий кого-то другого – в малоценном, пренебрежительном статусе.

С «грязной» женщиной они не испытывают уважения и любви, но способны проявить свою сексуальность в полной мере. И этот комплекс носит название «мадонна/блудница». Это не болезнь, присущая редким индивидам, а довольно широкое и распространенное явление...» Это к тому, Слав... любил, да? Но со мной тебе не хватало... чего – в ухо, в нос, в глаз? Так сказал бы – обсудили, - и все это на одной ноте, не повышая голоса. А ему понять бы правильно этот ее тон, это «безразличие», но он уже переварил ее слова...

И отмер.

- Ты издеваешься?! У меня что – не стоял на тебя?! Это ты хочешь сказать? Что за херня не в тему, Марина?! Нет, я заслужил и не такое, но не тупо же цитировать ересь? Не за сексом я ходил!

- Откуда же я знала? За чем ты там ходил, - тихо ответила она, - вот, нашла грамотное объяснение... и даже душу греет. Что-то в этом есть. Если убрать слово «секс», раз уж ты не за ним, то все сходится. Ты ходил туда за тем, чего не могла дать я. Попросить у меня этого ты почему-то не мог. И неважно что это - помощь, спасение, выход... реализовать ты мог только со шлюхами. И можешь.

- Нет больше такой необходимости! – отрезал он, - я хожу к психологу.

- И что ты там нашел – у психолога и шлюх? Чего нет у меня? Откровенный разговор, жесткий секс? Почему не со мной?

- Потому что, если убрать слово «потенция», то все действительно сходится – с тобой это не сработало бы. Лекарство не получилось бы, я просто не узнал бы его. У нас с тобой была бы *любовь*, а мне нужен был стресс посильнее того, с чем я боролся. Но это не выход и разговаривать нужно было – я понимаю это, может тогда и остальное не понадобилось бы. А я не хотел тебя грузить, потому что это моя чертова работа и мои чертовы проблемы! Я выбрал плохой способ, вернее он сам подвернулся и как-то закрепился в мозгах... Но я же уже понял это! И сильно испугался, Мариш. Потерял тебя из-за своей дури, но сильно надеюсь – не окончательно. Я другой сейчас, поверь мне – перевернулось в голове, я будто со стороны увидел всю хрень той своей реальности!

- Тише... - совсем отвернулась Марина, - выслушай теперь меня.

- Сколько угодно - говори. Я готов. Пожалуйста, я выслушаю все.

- Я не собираюсь обвинять и ругаться. Даже извинюсь, если хочешь – тоже пересмотрела... и понимаю, что творила.

- И я понял тебя! Ставил себя на твое место и даже не знаю, что бы сам... - с готовностью подхватил он. Она говорила с ним, пускай и так... невероятно спокойно говорила ужасные и правильные вещи. Но не молчала – это главное, остальное можно пережить, на этот момент - все буквально.

- Семьи часто рушатся, - медленно заговорила она, - но когда есть причина: тяжелая болезнь вдруг или жилья нет, или денег... может дурные родственники. Или влюбляются в других, и даже рождение детей - отцы бегут от забот. А мы просрали все на ровном месте, при полном благополучии, нам ничего не мешало. Но оказалось - появились трудности, которые запросто можно было решить иначе. Я правильно поняла?

- Подожди сейчас, - взмолился он, потому что понял, куда все поворачивает и движется:

- Не ты же, а я просрал? Но куда все наше хорошее не делось, а плохое мы исключим в будущем. Ты помнишь, как хорошо нам было? Все эти годы!

- Хорошо. Я помню... память, как ниточка – только потяни. Стараюсь не вспоминать, потому что начинаю чувствовать. Но хочешь - давай вспомним, - глухо отозвалась Марина, -

ты - только хорошее, потому и рвешься туда, а я – какой была душой. И ты правда считаешь, что мне стало легче, когда я узнала почему ты трахал шлюх? И не ври, что не считал это изменой. Предательство по определению не бывает неосознанным, ты же юрист... Но я дура еще ждала тебя - до аварии, надеялась на объяснение, а ты злился и делал удивленное лицо. Что непонятного было в том, из-за чего я развожусь? Но ты будто не знал за собой греха... Но это в прошлом, ты изменился, осознал и предлагаешь все оставить там. Не получится - мы окончательно всё испортили. У меня был другой, и ты тоже не отказывал себе – я уверена. Мы смогли друг без друга, можем... зачем тогда?

Он промолчал, обессиленно понимая, что проиграл. А Марина продолжала говорить ровно и безэмоционально. И до скрежета зубовного противным, размеренным тоном:

- Все у нас, оказалось, было с душком, а теперь совсем провоняло. У меня нет ни сил, ни здоровья не то, что начать заново – даже всерьез попытаться понять тебя.

- И не нужно, - дрогнул у него голос, - ничего пока и не нужно – потом, со временем. Я не требую вернуть все обратно, не сейчас во всяком случае, не сразу. Просто разреши мне помогать вам чем могу и как могу. Тебе будет трудно с Ритой, ей стало хуже и у тебя впереди операция. Я прошу разрешить мне быть рядом и не стану претендовать...

- Я не запрещаю тебе видиться с мамой, но пожалуйста – без меня. За меня тоже не беспокойся – есть страховка, да и с тебя я хорошо стрясла, извини уж, если... Я знаю – ты влез в кредит, чтобы...

- Ничего, это только справедливо! Я и не...

- Мы сказать друг другу не даем, - остановила она его, - я не буду с тобой, Слав, просто не смогу. Секс, оказывается, возможен и с кем-то еще, и неплохой, кстати. А остальное, что от души... У меня стройматериалов не хватит, чтобы все отстроить. Не веры и любви... даже просто сил нет. Уйди пожалуйста, дай мне их набраться. Я не могу... даже сейчас терплю тебя с трудом. Я выслушала. Ты же этого хотел? И все, давай дальше каждый сам.

- Мне смысла нет – самому, - отчаянно простонал Влад, - я к тебе хочу, с тобой... Маринка, Масенька?! Ну скажи - что я должен сделать? Дай возможность показать, ты все сама увидишь!

- Я уже сказала. Как тебе еще...? Я смертельно устала, Славка – от любых отношений и от жизни кажется тоже. А мне всего двадцать девять. Дай мне жить спокойно. Пожалуйста, очень тебя прошу, - открыла она дверку машины и вышла, а он выскочил следом.

И шел следом, мелся хвостиком. Судорожно искал в себе другие, правильные слова, которые сломали бы ситуацию. И не находил. И нарастало, поднималось внутри что-то такое... опасное и для него, и для нее тоже - если выпустить это *что-то*на волю. Потому что вот это состояние бессилия... оно было настолько знакомым и настолько страшным! Ничего страшнее он просто не знал.

Мужик в принципе способен разрулить практически всё, нужно только дать ему возможность действовать, он должен иметь такую возможность. А невозможность и бессилие убивали, они просто размазывали, дробили на атомы! И его уже буквально трясло от желания догнать, остановить, наорать, встряхнуть, заставить!

Хоть что-то сделать, хоть как-то! Но действовать.

Хрен знает каким усилием воли он дал Маринке уйти, не устроив безобразной мужской истерики. Упал, как подрубленный, на заснеженную лавочку. Сердце подкатывало к горлу, душило. В глазах плыло. И он стал судорожно искать спасение.

Нашел его по наитию... добрался как-то до доктора.

Сейчас же, хорошенько подумав после разговора с ним, и заново, на холодную голову вспомнив и проанализировав Маринкины слова...

У него осталась еще парочка вопросов к психотерапевту и на этом с общением можно закругляться.

Глава 21

Лешка прикатил на своем катафалке... гадство! Все виделось сейчас в черном цвете, на позитиве не воспринималась даже золотая осень. Будто вуалью серой подернуто... или саваном. А-а-а... дура – отчаянно готовилась я этот саван сдернуть.

- Заскакивай! – открыл для меня дверку, потянувшись через пассажирское сидение.

- Ты выходи, - н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.